

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

АНДРЕЙ КРУЗ,
МАРИЯ КРУЗ

ВОЗЛЕ ТЬМЫ.
ЧУЖОЙ

Annotation

Мир, почти погибший, но все же уцелевший, разделившийся на Свет и Тьму, Своих и Чужих, Добро и Зло. И человек, идущий сквозь этот мир в поисках любимой женщины. Готовый на все ради того, чтобы ее найти. Вот, в общем, и все.

Андрей Круз, Мария Круз
Возле Тьмы. Чужой

Луч фонаря осветил все вокруг, уперся в стену, метнулся по ней, и я понял, что ничего не понимаю. Рядом стоял генератор, но не такой маленький, как был у меня, а куда крупнее и мощнее. И сарай был вовсе не металлический: это доски вокруг. И пол деревянный. И тулупа моего нет нигде, пропал. Все не так, в общем.

Ну и где я теперь?

Где Настя?

Настя здесь, я это просто знаю, чувствую. Я — там, где она.

Повернул ручку двери, толкнул — не открылась. Навалился сильнее — она еле сдвинулась, а в образовавшуюся щель дунуло ветром и посыпался снег. Класс, опять снег, а тулуп пропал. И много навалено, но вроде бы не плотно. Толкнул сильнее, плечом, еще раз, еще — дверь подавалась, собирая перед собой небольшой сугроб. Все, теперь можно протиснуться. Только пришлось рюкзак снять, и уже без него вылез, оказавшись в снегу выше чем по колено.

Холодный резкий ветер дунул в лицо, забрался под свитер.

— И где это я теперь?

Моего вопроса никто не слышал. Шумел ветер в ветках деревьев, где-то вдалеке каркала ворона. Опять ворона, пропади она совсем. Тогда тоже ворона была. Сейчас бы из дробана... чтобы не каркала, тварь такая. Тогда камушками кидался, а вот теперь...

Ладно, где я на самом деле?

Горы. Тут довольно пологие, а вдалеке вполне крутые и высокие. Дом. Деревянный. Чуть ниже по склону, к нему засыпанная снегом лестница ведет. Большой такой дом, добротный, даже красивый, шале настоящее. И, мама дорогая, — с гаражными воротами и двумя спутниковыми тарелками!

— Засношало ретро! По самые гланды засношало, — сказал я вслух, причем совершенно искренне, попутно сняв с плеча дробовик. — Слава тарелкам и домам с гаражами! Хочу, чтобы мобильные телефоны, телевизоры и всякое такое все. Прогресс рулит.

А еще отсюда не видно мне было ни единого человеческого следа на слежавшемся рыхлом снегу. Следы тут разве что птичьи и какого-то небольшого зверька, бегавшего по этому самому снегу петлями. Отсюда, где я стою, виден весь участок — и ни расчищенных дорожек на нем, ни чего другого. И подъездная дорога к участку завалена. И хоть плохо мне видно сквозь облетевшие деревья, но дорогу, что протянулась по склону ниже, тоже никто не расчищал. Я даже скорее угадал, что там дорога, — так и не понять вообще-то было. За один день так не завалит, такое может быть, если ее вообще ни разу не чистили. Хоть раз бы прошелся бульдозер — и у обочин были бы валы, а тут как в поле диком, все гладко.

Дальше еще дома видны, и тоже деревянные. Но так, не слишком близко, метров двести отсюда до ближайшего. А остальные и видно с трудом через лес. Лес лиственный, к слову, сейчас серый и облетевший.

Высоко задирая колени и пробиваясь через плотный хрустящий наст, дошел до лестницы, тоже деревянной и тоже засыпанной, остановился, присмотрелся к дому внимательней.

Нет, это не Россия. Не могу объяснить, откуда такая уверенность, но не Россия. Хоть сейчас побиться на что угодно готов.

Дом на склоне. Въезд в гараж сзади, он как раз ко мне повернут, фасад отсюда не виден. От уровня гаража над склоном идет терраса и с другой стороны, кажется, становится балконом второго этажа. Нет, не второго, второй отдельно, а там, похоже, цоколь высокий. Подвал, наверное. А терраса на втором — и с этой стороны тоже на втором получается. На нижней, широкой террасе стоит джакузи, большая, накрытая и засыпанная снегом. А нормально в ней, наверное, летом сидеть, оглядывая окрестности. Видно отсюда далеко, кстати.

Окна большие, с виду вроде как даже с одинарным стеклом. Нет, тогда это точно не Россия. И дверь обычная, деревянная, не стальная, как у нас принято. И решеток нет на окнах.

Перед гаражом машина, красная, если по тому, что видно, судить, но больше она на сугроб похожа. И даже под этим сугробом можно разглядеть, что машина современная. Из тех, что с печкой. И даже кондиционером. Не «эмка» сталинских времен, и не «тазик».

Так, если нет ни одного следа... Настя здесь была? Я же чувствовал ее еще минуту назад, но следы... Однако в любом случае радуется то, что здесь нет и тех двух уцелевших сотрудников Управления охраны, жаждущих нас убить. И еще Тьмы, Тьмы я не вижу отсюда нигде. Может, она и есть, но не здесь, далеко отсюда.

— Ладно, посмотрим, — сказал я сам себе и сделал первый шаг по лестнице.

Чуть не поскользнулся, но удержался. Второй шаг аккуратней, уже вбивая каблук в снег. Может, здесь и ботинки с новыми, правильными подошвами найдутся? Хотелось бы. Участок большой, ничем не огорожен, но границы понятны — до леса. Вдали еще какой-то сарайчик, вроде как для садового инвентаря, но мне туда не надо.

Спустился, вновь увяз в снегу выше колена, чувствуя, как промокают брюки и становится холодно ногам. Да и вообще в свитере зябко, хоть температура совсем не сильно ниже нуля должна быть. И пасмурно, серо.

Дверь входная рядом с гаражными воротами, которых, к слову, аж двое, причем одни из них, те, что слева, такой ширины, что в них должен без проблем танк заезжать. Даже поперек. С пушкой. Это на сколько машин гараж получается?

Машина, что замерла на подъездной дорожке, оказалась как раз на дороге. Спортивное купе какое-то из недорогих, японка, кажется. Ну если по форме судить. Хотя форма того... я таких не видел, какая-то совсем футуристическая. И фонари задние — из светодиодов, что ли? Нет, не видал пока такого, не встречал.

Номер. Табличка с ним, если точнее. Буквы, цифры, а еще написано «Калифорния». Латинскими буквами, разумеется.

Я в Калифорнии?

С сомнением посмотрел на снег, в котором я завяз.

Нет, вряд ли. А вот машина оттуда приехала, наверное.

Взгляд уперся в шильдик и надпись. «Датсун Скайлайн».

— Засношали параллельные реальности, — сказал я вслух и зачем-то прицелился в машину, хоть стрелять и не стал.

В моей реальности последний «датсун» был выпущен... черт его знает когда. В начале восьмидесятых, наверное. Мне так кажется. Но очень давно. Нет их больше, а «скайлайном» назывался «ниссан».

Не, я точно в Америке. Глядя на дом, в это легко верится. А еще в доме дверка со стеклом. Даже смешно. На мою бы дверь посмотрели, которая там, откуда я только что.

Ближе к дому снег стал не таким глубоким или более плотным, идти стало чуть легче. Заглянул осторожно в окно, что справа от двери, разглядел кухню. Нормальная такая кухня, в сельском стиле, но вот людей в ней не видно.

Ладно, попробуем войти. Чтобы не нагнать и заодно не нарваться на неприятности, сначала стучал с минуту, прислушиваясь, но ничего так и не услышал, только ветер в деревьях слегка шумел. Стекло дверное немного дребезжало, когда я колотил по нему костяшками пальцев, да и все. Нет никого, наверное. Или есть, но отзываться не хочет. В засаде сидит.

Повернул ручку, толкнул дверь, она неожиданно легко открылась. Не заперто, типа заходи кто хочет.

— Is anybody home? — крикнул я классическую фразу из фильмов ужасов, открывая дверь до конца стволом помпового моссберга «морской» модели. — Anybody here?

Тишина.

Вошел, прикрыл дверь за собой, отсекая лишние шумы и ветер. И оказался в очень просторной, скорее даже огромной, двусветной гостиной, с большим камином из дикого камня. А нормально так, хорошо тут живут. Или жили. И телевизор впечатляет, плоский. Это сколько такой стоит? Я пока к подобному разве что приценивался — они ведь только появились.

А дом-то выстыл: тут сейчас не лучше, чем на улице. Скорее всего в нем действительно нет никого. Но это все же проверить надо.

Сделал пару медленных шагов вперед и застыл как вкопанный. А это что еще? В кухонном уголке стол с двумя лавками, а на нем... на нем мой карабин М1 и «лифчик» с магазинами! Забыв про всякую осторожность, бросился к нему, оттолкнув и уронив увесистый стул. Это он, это мой, такого второго нет, мне же его по заказу мастер переделывал!

Схватил, глянул на номер. Да, это мой карабин, я не ошибся. А под ним лист бумаги, и на нем красным широким маркером написано: «Иду искать людей и поеду на местный аэродром. Попытаюсь попасть в Денвер. Буду оставлять знаки. Люблю, Настя».

Похоже, что надолго она здесь не задержалась... но записка выглядит не вчера оставленной. Сколько же здесь времени прошло за те минуты, что я собирался с мыслями там, в Москве, в своем доме?

Так, еще ключ какой-то. Взял со стола, сунул в карман. Могла бы и пояснить, что за ключ оставила.

Настя все же здесь была, я не обманулся. Вздохнул, вытер со лба выступившую испарину. Что-то я того, разнервничался совсем. И кстати, почему она карабин оставила? Магазин полный, и все в разгрузке под завязку набиты, серьезное ведь оружие, хоть и не новое. Разжилась чем-то другим?

Денвер, Денвер, дай бог вспомнить американскую карту... Ну да, штат Колорадо. И горы эти, значит, Скалистые, которые Rocky Mountains. В Колорадо, наверное, можно разжиться оружием, как мне кажется. Может, даже в этом самом доме. Вон на стенках головы олени висят, это ведь что-то значит, правильно? Кто-то этих оленей стрелял, и не из рогатки, наверное?

Противоположная от входа стена почти полностью стеклянная. Слева лестница на второй этаж, который галереей идет по периметру гостиной вверху. Опять вскинув моссберг, пошел туда, стараясь не скрипеть ступеньками. Двери, двери. За всеми дверями оказались

спальни — одна побольше, с гардеробной, две другие поменьше, но все со своими ванными. Одна спальня в кабинет переделана. На столе фотографии детей, в разном возрасте, вроде как по мере взросления снимали. Дети показались почему-то знакомыми, хотя я их точно нигде и никогда в жизни не встречал — я лиц не забываю.

На столе ноутбук. Какой-то крутой ноут, плоский совсем и очень уж широкоэкранный, я таких и не видел никогда. Странно. А так вроде все знакомо, «Тошиба». Попробовал нажать на кнопку питания, не надеясь особо на успех, и вдруг компьютер ожил. Зашипел тихо, раскручиваясь, жесткий диск, засветился экран, появилась заставка «виндоуз», причем непривычная. Пароля не было, меня сразу впустило на «рабочий стол», тоже какой-то нетипичный.

«Таскбара» внизу не было тоже. Я повозил мышкой по столу, подведя курсор вниз, и таскбар просто всплыл. Вот как. А затем я уставился на время и дату в правом нижнем углу — 2:43 PM, 12/22/2012.

— Чего? — спросил я неизвестно у кого. — Двенадцатый год?

А почему бы и нет, дошло до меня чуть позже. До этого я в прошлое провалился, почему бы на этот раз в будущем не оказаться? Я же вообще такой, нормально жить не могу, чистый Уэллс с его машиной времени. Ну да. Все нормально, я привычный уже. И сюда лучше, чем туда, уверен. Хотя бы потому, что тут... ну вот компьютер есть, например. Или еще что-нибудь, что тут в двенадцатом году может быть. А там, откуда я вырвался, ничего этого нет.

Правда, там были люди. А здесь я их не вижу, равно как и следов их недавнего присутствия. Впрочем, я там тоже далеко от людей вывалился, так что выводы пока делать рано. И вообще мне бы мою женщину найти, а там хоть вообще без людей, обойдемся.

Так, а это что за шкаф у стены, с глухими дверцами? Как-то не похож он на обычный, а скорее на замаскированный сейф. Что в нем?

Потянул дверцу — закрыто. Так, а что за ключ я подобрал? Так вроде подходит к скважине — две бородки хитрой формы, длинный. Попробовал всунуть в скважину — замок провернулся. Ну да, это только снаружи шпон и рейки, а внутри сталь, сейф самый настоящий. Потянул дверь, распахнул.

Теперь понятно, почему она оставила карабин. Тут только под винтовки с ружьями дюжина посадочных мест и полка под пистолеты. Другое дело, что никакой дюжины здесь нет. Скорее всего после ее посещения и нет. Но и не пусто: что-то оставила.

На полке нашел тяжелый револьвер с темно-серой рамкой и светло-серым титановым барабаном. «Смит-вессон», модели не знаю, но калибр на стволе написан — «.44 магнум», и на рамке что-то вроде атома с электронами изображено, но вместо атома переплетенные буквы «S» и «W». Еще надпись «AirLite PD». Из дорогих, видать, с тритиевыми точками на прицеле, рукоятка хорошего дерева, увесистый, крупный, но вполне вписывающийся в разумные габариты. Рядом с ним кожаная кобура с ремнем, в ремне такие петли под патроны, в ковбойском стиле, и еще какой-то подсумок. Открыл — на ладонь выпали два черных скорозарядника на шесть патронов каждый. Покрутил в пальцах, прочитал надпись «Сафарилэнд». Так, а патроны?

Патроны оказались в нижнем отделении оружейного шкафа. Четыре черных коробки с надписью «Винчестер Экстрим Экс». Открыл одну, вытащил пластиковый поддончик, в котором стройными рядами стояли непривычно длинные и толстые патроны с серебристыми пулями.

— Ага, «пустоголовые», — прокомментировал я.

Это хорошо, такие убивают лучше всего. Взял один из скорозарядников, заполнил патронами, потом пару минут соображал, как их закрепить, все норовя повернуть головку. Но потом сообразил просто потянуть ее на себя — раздался щелчок, патроны разом выпрямились, прижатые пружиной. Так... теперь барабан револьвера откинуть и ввести патроны так, чтобы... ага... и дальше? Нажать кнопку? Не работает. Попробовал просто прижать скорозарядник к барабану и сразу же услышал щелчок: освободившиеся от зажима патроны скользнули в гнезда. Захлопнул барабан, вскинул оружие, примерился — удобно, прикладисто, но тяжелый все же. И я бы пистолет предпочел, но за револьвер тоже спасибо. И есть подозрение, что пистолеты здесь были — вон коробки, — просто Настя обнаружила их первой.

Застегнул на бедрах ремень с кобурой, натолкал патронов в гнезда, заполнил оба скорозарядника и спрятал в подсумок. Уже лучше.

Так, винтовка. Что-то вроде М16, в охотничьем камуфляже и без пламегасителя, с оптикой. Две дустволки. Все.

Потянул на себя камуфлированную винтовку, оглядел. Нет, на М16 это похоже мало, это покрупнее будет, под большой патрон. «Ремингтон Р25»... так, «Ремингтон Армз, Ю-Эс-Эй», «сейф-файр»... калибр какой, блин? Ага, на стволе снизу есть... выштамповано «.243 Винчестер». Так, нормально, патрон хороший, уважаю, хоть и не пользовался никогда, только из журналов о нем знаю, шесть миллиметров, пуля быстро летит, траектория настильная.

Под охоту винтовка сделана, не боевая. Ствол с долами и «коронкой», камуфляж тоже охотничий, по нему везде даже марка разбросана — «Мосси Оук». Прицел... прицел «бушнелл», с высокими «тактическими барабанчиками», сетка «мил дот», увеличение от пяти до пятнадцати. То есть совсем не охотничий, а очень даже снайперский. Немножко странно. Ремень есть, сошки есть, что еще надо? Надо патроны вообще-то.

Так, что с патронами? Нашлось четыре коробки и еще чуть-чуть. Мало. Очень мало. Это плохо. С магазинами ситуация лучше. Нашел один четырехзарядный, два десятизарядных и четыре двадцатизарядных, пластиковые. По маркировке, к слову, они под триста восьмой калибр, но это, наверное, все равно. Насколько я помню, двести сорок третий калибр из триста восьмого и сделали.

Набил патронами один десятизарядный магазин, попытался втолкнуть в приемник — не лезет. Толкнул раз, другой — ни в какую. Извлек, посмотрел — на верхнем патроне царапины. Уперся? Выбросил его, оставил девять — вошло без проблем. Попробовал сделать то же самое с двадцатизарядным — в тот все влезло без проблем и в винтовку воткнулось. Странно, но ладно. Ладно, так тоже сойдет, не принципиально. Что тут еще есть?

Есть двенадцатого калибра еще почти сотня патронов, все больше дробь некрупная, но есть штук двадцать с картечью... и десяток с пулей. Дустволки мне не нужны, а для моего моссберга пригодятся. Так, а чистить это все как? Что-то нет ничего...

Проблема решилась почти сразу, едва я начал осматривать шкафы в кабинете. Там и шомпола нашлись, и какие-то веревки с ершиками под названием «Vore Snake», то есть «ствольные змеи», и сольвент, и масло — все в порядке. Нашел еще один прицел, небольшой, «баррис», совсем не охотничьего, а военного вида, такой, из одного куса алюминия сделанный. Увеличение всего трехкратное, прицельная марка причудливая, «Т» в круге, подсвечивается красным и зеленым. Легкий, компактный. Ладно, потом разберусь, что к чему, а вообще молодец мужик, что здесь жил, запасливый.

В довершение нашел увесистый нож с резиновой ручкой и черным лезвием. «Ка-бар»,

нож морской пехоты. В ножнах на пояс. Тоже пригодится, возможно, пусть будет.

Оставил все как есть, вооружился на этот раз револьвером и пошел шариться по дому дальше, в тишине, прислушиваясь разве что к легкому шуму ветра за окном и собственному дыханию.

Следующей комнатой после кабинета оказалась спальня, похоже, принадлежавшая подростку. Яркая мебель, плакаты, стереосистема, с виду какая-то странная, стол с компьютером, еще один плоский телевизор, висящий на стене. Под телевизором еще до черта всего наворочено, приставки какие-то. На полу несколько упаковок от лекарств, понятия не имею от каких болезней. Кровать смята, простыня скомкана. Покрутился в комнате, заглянул в не слишком просторную ванную, вышел.

Вторая спальня выглядела менее обжитой. Гостевая? Хотя... вон вещи набросаны. Женские. Джинсы, топы... кеды у кровати, размер маленький, точно женские. Простыни тоже измяты, в кровати спали и не заправили. Куда все делись? Опять как в Отстойнике, неизвестно куда? А почему бы и нет, не впервой такое видеть.

Тоже сунулся в ванную, зачем-то посмотрелся в зеркало, пошевелил ногой кучку женского белья, брошенную прямо на пол. Удивило количество упаковок от лекарств на столике. Потом пошел дальше. Странное ощущение, беспокоит что-то, а что — не пойму, из-за этого и оружия из рук не выпускаю, хотя уверен, что мне сейчас ничто не угрожает. Не угрожает, но вот как-то... неправильно здесь что-то.

Под ногами пружинящее ковровое покрытие, шаги совсем не слышны. Дверь чуть скрипнула, вышел на галерею, перегнулся через перила, глянул вниз — ничто не изменилось. Вон карабин мой лежит на столе, вон записка. Тихо-тихо.

Следующая спальня была большой, явно хозяйской. Кровать широкая, в деревенском стиле, туалетный столик, на нем, к слову, еще один ноутбук, большой телевизор на стене под потолком. На стенке возле зеркала несколько фотографий в рамках. Осмотрелся, зачем-то сел на кровать. Пошевелил ногами, каблук уперся во что-то. Нагнулся — а там плоский металлический ящичек, явно к полу привинченный, не сдвинешь. Станный ящичек, ни ручек, ничего такого, только выемки... под пальцы, что ли? На среднем пальце окошечко... отпечатки считывает?

Пожал плечами, перехватив револьвер левой рукой, положил пальцы правой в выемки, провел — что-то пиликнуло, крышка отскочила на пружине, открывая внутренность. Опа, а тут у нас был пистолет... только сейчас нет. Два полных магазина лежат, по пятнадцать патронов в каждом, девятимиллиметровых. Посмотрел на магазины — снизу клеймо «глок». А самого пистолета нет.

Так, что-то я упустил. Что? Опять что-то неправильно.

Сел на кровать, положив магазины рядом, задумался.

Что меня напрягло?

Стоп, сейф... сейф на отпечаток пальца реагирует, насколько я понял, тогда почему он открылся? Нет, я понимаю, что всякое бывает, ленивый хозяин мог просто не ввести свои отпечатки в базу, или как там все это работает, вот сейф и открывается чьим угодно пальцем, по умолчанию, но... что-то еще, что-то еще здесь есть...

Встал, огляделся, подошел к столику. Уставился опять в зеркало на себя — вид вообще-то того... пришибленный какой-то. Затем взгляд перескочил на фото на стене. На первой же увидел двух детей и двоих взрослых. Стоят все вместе на каком-то причале, улыбаются, глядя в объектив. Двухтысячный год, на фотографии дата пропечатана. И это опять не Россия,

уверен. Лица очень зна...

— Твою мать...

Я почувствовал, как у меня подкашиваются ноги. Закружилась голова, звезды перед глазами поплыли. Чтобы не свалиться, вцепился в край столешницы с такой силой, что пальцы свело. Помотал головой — улыбающиеся лица с фото никуда не делись.

Это были мы с Настей. В двухтысячном. С детьми. А дети были похожи на нас — девочка на меня, а мальчик на мать, как обычно и бывает. Сдернул фото со стены, поднес к глазам — все верно, это я. Только в таком месте, в котором я никогда не был, и даже с такой прической, которой никогда не носил. Отбросил фото в сторону, схватил другое — опять мы, вдвоем, только... только тут я лет на десять старше, чем сейчас. И Настя старше. Детей на фото нет, но фона не узнать трудно — Елисейские Поля.

— Ой, мля...

Прибавил я малость с возрастом, хоть и не сильно. Седина, морщины уже появились, морда слегка обвисла. Нет, не кайф стареть... Стоп, это что, я сам себя встретить здесь могу? И опять же дети откуда? Мы с Настей до двухтысячного и знакомы не были... мы даже в разных слоях действительности существовали, и чтобы встретиться, нам потребовалось провалиться черт знает куда, в прошлое, причем неизвестно чье... а что сейчас?

Потер лицо руками, опять посмотрел на свое отражение, спросил:

— Скажешь-то чего?

Что же получается? Дети не приемные, это по лицам видно. Родиться после двухтысячного не могли, да и на том фото мальчишке лет пять, а девочке больше десяти. Получается, что в каком-то из бесконечного количества слоев действительности мы встретились раньше и поженились? А потом еще и детей наплодили, и в Америку почему-то уехали? Я не собирался туда вроде. Не было таких планов. И не «туда», а уже «сюда», получается.

А это вообще мы или просто... двойники, например? Двойники до отпечатков пальцев? Как так получается? Профессор Милославский, которого я не далее как час назад отправил к новому воплощению, когда-то сказал, что, возможно, мы дублируемся каждую ничтожную единицу времени, оставляя в прошлом себя-прошедшего, но тот «прошедший» дальше живет своей жизнью, все так же дублируясь, и из всего этого получается бесконечное число вариантов действительности. И если мы, например, попадем в слой, в котором живет наше Я, с которым мы расстались секунду назад, то мы даже не заметим разницы, а вот если попадем туда, где нам было, скажем, два года, то разница может оказаться невероятной. Получается, что покойный профессор не врал?

Может, именно поэтому мы здесь? Настя не могла пойти со мной в мой слой, там ее не было, а в ее слое не было меня, может быть, и тогда открылся путь туда, в тот слой, где мы существовали вместе?

Существовали? Или существуем?

Мне почему-то кажется, что... в общем, место освободилось. И мы пришли в образовавшуюся пустоту?

Ох-хо-хо... Здесь что-то плохое случилось? Да уж наверное, иначе дороги бы чистили. Или все же, как в Отстойнике, просто мир «расслоился» и люди остались в другом слое? А сюда пришла Тьма, ни дна ей, ни крыши?

Ладно, чего гадать! Проверить все надо.

Кстати, и здесь сплошные лекарства. Как-то странно это все. Тут что, все болели?

Схватил с постели пистолетные магазины, бросился в коридор, оттуда в кабинет. Рванул верхний ящик письменного стола, зашарил в бумагах. Ну да, вот, выписка с банковского счета... «Грэнд Маунтин Бэнк», общий счет, «Vladimir Birukov, Anastasia Birukova». Еще вопросы? Ксерокопия водительского удостоверения штата Колорадо... день и год рождения — мои, морда на фотографии — моя. Так, а вот и само удостоверение. Крутил, крутил в пальцах маленький синеватый прямоугольник с фотографией улыбающегося меня — нет, все верно, разве что адрес явно не тот, к которому я привык. Бигхорн Корт, Грэнби, Колорадо. Как я вообще сюда угодил? И еще живу на пленэре, так сказать? На пенсию вышел?

Компьютер пока не отключился — заряд батареи был слабым, но все еще работало. Залез в меню, нашел «Мои картинки», начал открывать папки, помеченные датами. Все есть, даже свадебные фото, сделанные явно в Москве. Это поженились мы, получается... в девяносто шестом, так? Да, вот дата. Значит, все же встретились.

А вот она на аэродроме, еще в России. А это уже явно в Америке. И я с ней. Стрельбище, она, я, дети с нами, дети без нас. Горные лыжи, много фото с ними, а я ведь сниматься терпеть не могу. А тут любил, получается. Странно. Снегоход, мы на нем вдвоем. Интересно, снегоход свой? Это бы сильно помогло. А еще квадроцикл на картинках.

Попробовал наудачу открыть браузер, но никакой удачи не случилось: интернет не работал. Выключил лэптоп, решив сэкономить остаток заряда: вдруг еще что-то понадобится. Заодно опять на ум пришел явный избыток лекарственных упаковок в доме. Не нравится мне это все, категорически.

— Ну и куда вы, то есть мы, делись? — спросил я, вставая с кресла.

Обшарил весь дом, обнаружив в гардеробной, что была в хозяйской спальне, кучу одежды почти что моего размера. По росту в самый раз, а вот в ширину можно бы и на размер поменьше. Но это ладно. Решив плюнуть на приличия — все равно у себя дома, получается, — переделался во что-то вроде охотничьего камуфляжа утепленного, натянув на ноги совершенно потрясающие зимние ботинки, идеально совпавшие по размеру. Покрутился, попрыгал — нет, это не мэйд ин Отстойник, это как в сказку попал. Это *настоящее*.

Потом пошел в гараж, оказавшийся действительно очень просторным: места хватило не только на три машины, но и на мастерскую, причем с верстаком и станком для перезарядки патронов, и даже на тот самый снегоход «Поларис Уайдтрак», что я видел на фото, стоявший сейчас на автоприцепе. Нормальный такой снегоход, двухместный, с широкой и длинной гусеницей, для глубокого снега — то, что доктор прописал. Узнаю... себя. Да, себя. Случись мне выбирать снегоход — купил бы именно такой, не для дурной радости, а так, чтобы на нем куда угодно и желательно не в одиночку. Тем более что хозяин... я... другой я, в общем, еще и охотник. Как я. А на охоту тоже на таком лучше, еще и с грузом можно.

Ключи от снегохода искать не пришлось — висели на руле, две штуки. Я когда-то на снегоходе катался, помню что-то, а с мотоциклами я вообще на «ты» — так что должен справиться.

Квадроцикла не было, к слову, а помимо снегохода в гараже стояли большой пикап «форд», который сразу очень понравился, всю жизнь такой хотел, совершенно незнакомого мне вида «Гранд Чероки» и небольшой, странного вида автомобильчик «Тойота Версо» с надписью «гибрид» сзади. Ладно, что бы это ни было, но все машины не актуальны: снега слишком много. Только вот снегоход как раз, если заведется. Сколько он уже так стоит?

Стоп! Нужно электричество. Нужны дрова. Надо попытаться запустить генератор, для

начала выяснив, есть ли в нем горючее.

Накинув найденную в *моей* гардеробной куртку, расцветенную зимним растительным камуфляжем, для охоты самое то, выбрался на улицу, инстинктивно проверив, удобно ли тянуться к револьверу. Скоро темнеть начнет, пожалуй, надо торопиться, если не хочется батарейки в фонаре сажать и шариться в темноте. И это если с темнотой ко мне никто не придет.

По собственному следу погреб к лестнице, поднялся, дотопал до сарайчика, заодно похвалив найденную куртку, в которой и удобно, и тепло как в шубе. Генератор оказался обычным, не из самых новых, все знакомо, хоть и куда мощней моего, а в сарае стоит потому, что подсоединен к дополнительным бакам. Постучав по большим цилиндрическим емкостям, обнаружил, что одна из них точно пустая, а во второй что-то есть.

Сам генератор запустился сразу, зарычал басовито дизелем, загорелись сигнальные лампы. Нашел табличку с расходом топлива, посмотрел на датчик уровня — получается, что часов на тридцать у меня электричества, если в доме все подряд не включать. Немного, вообще-то. Кстати, его кто-то вручную выключил — обычно такие электростанции включаются сами тогда, когда в сети исчезает напряжение, и так же сами выключаются, когда электричество есть. А этот выключили рубильником, так, что сам он уже не включится. Экономили топливо? Может быть.

Так, ток есть, свет есть, теперь дрова. Я видел электрические печки в доме, но не хочу грузить генератор. А так можно камин топить — он с виду толковый, из тех, что и вправду тепло дают, не только «домашний уют». И в камине можно готовить еду. Которой у меня нет. Наверное.

Добрался до гаража, вытащил оттуда сани-прицеп для снегохода. Постараюсь дров по максимуму притащить: без санок никак.

Кое-как дотолкался до сарая, к боку которого прижалась немалых размеров поленница. Бросил несколько деревяшек в сани, затем остановился.

— А что в сарае? — спросил сам себя. — Дай гляну.

Дверь в сарай была завалена снегом чуть не до половины, но я заметил, что метрах в десяти от меня из-под снега торчит нечто до крайности напоминающее черенок лопаты с поперечной ручкой.

— Тебя мне и надо, — пробормотал я, направляясь в ту сторону.

Когда выдернул лопату из снега — обычную, для копания земли, штыковую, обратил внимание на три установленных вертикально доски. Похоже даже, что стенки от какой-то мебели. Странно: кто так будет доски в снег втыкать?

Подошел ближе, присмотрелся, потом как бешеный начал откидывать снег от досок, быстро выяснив, что они вкопаны в землю. А еще на трех из них были вырезаны, кривовато и грубо, имена:

«Дима»

«Света»

«Настя»

Перед четвертой доской снег просел, словно под ним была яма. Чувствуя, как у меня перехватывает дыхание от жуткого предчувствия, начал выбрасывать снег из ямы.

Когда я ввалился в дом, весь мокрый и перепачканный глиной, со стертymi до мозолей руками, было уже темно. А еще меня трясло так, что зубы стучали. И не от холода, и даже не от страха, а от жути самого момента — я увидел мертвого себя.

Доски с именами стояли у могил, я расчистил это место от снега. Три холмика, заботливо утрамбованных и даже как-то огороженных. Имена детей и... Насти на досках. Четвертая могила была не зарыта. На дне я обнаружил сильно разложившийся и подмерзший труп, в котором все равно узнал себя. Безусловно узнал, сразу. И не только узнал, а даже почувствовал, рванул назад от открытой могилы, потому что мне показалось, что я сейчас свалюсь туда и останусь рядом с ним... или со мной. С тем, кто там, кого я чувствую, *вместо кого* я здесь.

Теперь все стало понятно, куда *они-мы* делись, что здесь случилось. Уже позже, включив второй лэптоп, тот, что в спальне, я прочитал нечто вроде дневника, написанного настолько моим слогом, что я не мог отделаться от впечатления, будто я сам и есть его автор.

Пришла Болезнь. Пришла подло и хитро, с инкубационным периодом в несколько месяцев и со страшной вирулентностью. Когда люди начали болеть и умирать по всему миру, реагировать было поздно, незараженных почти не осталось. Это была Суперкорь, перед которой померкла страшная Великая Чума прошлого. Суперкорь была страшна не сама по себе, хотя и она не была подарком. Но она приносила с собой энцефалит. Почти всегда. Жар, галлюцинации, страшная головная боль, с которой не справлялись никакие болеутоляющие, и человек сгорал за две недели. Неделя просто кори, потом две недели тяжелых мучений. Иногда быстрее. Иногда агония длилась дольше.

Сначала умерли дети. Никто уже никого не хоронил, трупы просто забирали, если было кому и у кого забирать, и сжигали в мусорных печах. Поэтому *Он-Я* сам копал им могилы во дворе. Потом долго умирала *Она-Настя*, потерявшая всякое желание жить после смерти детей. Сначала умер сын, следом за ним дочь, в последней иррациональной надежде приехавшая из Калифорнии, словно рассчитывавшая на то, что родители смогут защитить ее. Затем он похоронил жену. У самого же *Его-Меня* оказался иммунитет, он не заразился. Несколько дней он ходил по опустевшему дому, перебирал их вещи, смотрел на фотографии. Потом вышел во двор, выкопал могилу рядом с ними, лег в нее, кое-как приброев себя землей, и пустил себе пулю в висок, решив уйти следом. Потому что без них жизнь для него потеряла смысл. Пистолет так и остался в руке. К тому времени как я *Его-Себя* нашел, лицо уже обклевали птицы, а вот слой глины никто не разрыл. Я похоронил *Его-Себя* окончательно, не тронув, правда, доски над могилой, потому что просто не знал, что на ней написать. Странно писать на своем могильном памятнике.

И тогда то, что прокладывает Пути между слоями, ощутило эту смерть и эту пустоту — и затянуло сюда Настю. А я уже прошел по ее следам и тоже заполнил опустевшее место в этом мире. Теперь, после всего случившегося со мной ранее, легко это понять.

Свет в доме был, хоть я и старался экономить энергию. Оба найденных лэптопа сейчас заряжались. Горели дрова в камине, к которому я подтащил поближе диван. Еда в доме отсутствовала совсем, но я нашел пару пачек чаю и сахар, так что обойдусь сегодня, не проблема.

Снегоход не завелся — сел аккумулятор, — но в гараже нашелся зарядник-пускатч от

сети, так что к завтрашнему дню с этим все должно быть в порядке.

Самым слабым местом в доме была безопасность. В Отстойнике я уже привык к тому, что на всех окнах есть решетки, а здесь не было ничего. Огромные окна, хлипкая дверь, которую я просто запер на ключ. Пойти на второй этаж? Там будет холодно или придется включать электропечку. Но спать рядом со стеклянной стеной первого этажа было еще страшнее, поэтому я дождался, пока прогорят дрова в камине, хоть как-то нагрев большую комнату, а сам ушел наверх, в *хозяйскую-свою* спальню, перестелив там белье на кровати. После чего включил обогреватель, забаррикадировал дверь комодом, положил рядом москбег, снаряженный пулевыми патронами, и сунув револьвер под подушку. И попытался уснуть.

Сон пришел только ближе к утру, когда почти что начало светать. Пережитый днем кошмар превратился в табун мыслей, не дававших успокоиться ни на минуту. Я то читал дневник, то пытался копаться в гардеробной, подбирая одежду, то вновь ложился, прилежно закрывая глаза и надеясь на то, что сон придет сам, — и так до утра.

Проснувшись, глянул на часы и понял, что проспал получилось не больше пары часов.

— Ну и хрен с ним, — сказал я вслух, поднимаясь с кровати. — Делом тогда надо заниматься, делом.

Это помогло: дурные мысли немного отступили. Отключил генератор прямо из дома, обнаружив тумблер на распределительном щитке, затем напоил себя чаем с сахаром, нагрев чайник в камине, оделся. Эта *версия меня*, пусть и старше, но все же осталась *мною*. В гардеробе нашлась куча одежды — хоть для охоты, хоть для рыбалки, хоть для катания на снегоходе. Даже для горных лыж была прорва всего, но вот как раз лыжи мне и не нужны. К своему удивлению, никакого дискомфорта от того, что шарю в чужих вещах, я не испытал. Просто потому, что не получалось считать эти вещи чужими: они были именно что *мои*. Разве что брюки приходилось чуть сильнее утягивать ремнем.

Я влез во вчерашний охотничий камуфляж, подпоясался ремнем с кобурой, накинул на плечо патронташ, который тоже нашел в кабинете с оружием, а дробовик закинул за спину. Заодно прихватил из кладовки самые настоящие снегоступы «Таббс», которые нашел рядом с лыжами. Их тут было пар шесть — явно *он* любил по снегу погулять, и не только *он*. Я бы тоже любил, живи в таком месте. Где в России так устроишься? Или дом без присмотра не оставишь, или живи в городе.

Снегоход сегодня завелся сразу, «с полтычка», заурчав мотором. Убедившись, что прицеп установлен прочно, я аккуратно съехал с него, проскрежетал лыжами по гладкой плитке пола, после чего рывком въехал на снег, наметенный к гаражу. Нормально. Оставив снегоход работать на холостых оборотах и подцепив к нему сзади грузовые сани, запер ворота гаража изнутри, после чего вышел из дому через дверь, тоже не забыв ее запереть. Людей пусть нет, но кто знает? Я даже найденное оружие спрятал с глаз долой, на случай если кто-то придет в мое отсутствие.

Утилитарник с его широкой двадцатидюймовой гусеницей легко ехал по поверхности снега, почти не проваливаясь. Я не торопился, старался не разгоняться вообще — кто знает, что там будет дальше, за первым поворотом, например?

Подъездная дорога вывела меня на дорогу поглавнее, точнее — на то место, где под снегом угадывалась дорога, вихлявшая в объезд пологих холмов. Таких домов, как у *меня*, здесь оказалось немало, просто строились они просторно, земли не жалел никто. Хотя в основном домики выглядели попроще, *мой* был посерьезней, если присмотреться. И нигде

никаких признаков жизни: ни дымов из труб, ни следов — ничего вообще. Машины у гаражных ворот, засыпанные снегом, пустые окна домов, серое пасмурное небо над головой. На некоторых домах краской из баллончиков нарисованы косые кресты с цифрами, на некоторых не было ничего. Что означают цифры — понятия не имею, но уверен, что это следы какой-то правительственной активности во время эпидемии.

Дорога привела меня к перекрестку с указателем «Форрест Драйв», там я задумался. Налево вдалеке видны горы, так что думаю, что там искать людей неразумно. Вправо дорога тоже шла вверх, но уверен, что ненадолго, потому что там явно была долина.

— Города строят в долинах, — почему-то уверенно сказал я самому себе и свернул направо.

Звук мотора был странно громким, потому что мир в этом месте накрыла мертвая тишина. Казалось, что меня слышно до самого горизонта. С неба понемногу срывался снежок, обещая вскоре превратиться в самый настоящий снегопад. Пока у дороги видны были только дома, все сплошь бревенчатые, явно выстроенные недавно. Похоже, тут новый девелопмент, новая застройка. И подозреваю, жили здесь люди все больше сезонно, приезжая кататься на лыжах и встречать Рождество. Легко представить себе рождественскую елку в том доме, в котором я провел ночь, семью за столом... а не в могилах во дворе.

Проехал указатель с надписью «Хэдуотерс Гольф Клуб», затем увидел пару двухэтажных корпусов, прижавшихся к склону. Решил, что это маленькая гостиница, и, похоже, угадал — тут же попала стрелка, указывающая на «ресорт менеджмент». Туда я и свернул, надеясь разжиться картой этих мест. В доме я ничего подобного не нашел, а навигаторы в машинах были несъемными, с собой не возьмешь. Да и летают еще спутники, интересно?

Указатель привел меня к уже привычного вида бревенчатому дому, возле которого стоял заваленный снегом серый пикап. По-прежнему не видно чьих-нибудь следов, пустота. Я подогнал «поларис» к самому крыльцу, заглушил двигатель, посидел немного, прислушиваясь. Никаких звуков, ничего.

Сняв с плеча ружье, слез со снегохода, неторопливо поднялся на крыльцо, протаптывая дорожку сквозь засыпавший его снег. Постучал в дверь, прекрасно понимая, что никакого смысла в этом нет. Подождав, подергал ручку и убедился, что здесь заперто.

— И хрен с ним, — сказал я, подразумевая не дверь, а тот шум, который сейчас произведет.

Отступив на шаг, выкинул из патронника пулевой патрон и воткнул на его место другой, с мелкой дробью. Затем прицелился примерно туда, где, по моим прикидкам, должен был располагаться язык замка, и выстрелил.

Громыкнуло как-то не впечатляюще — все же на воздухе. В непрочной деревянной двери появилась здоровая дыра, брызнули щепки, я зажмурился за стрелковыми очками, в чистом холодном воздухе запахло порохом, а я подумал, что на такую даже патрон было грех тратить, надо просто ногой вышибать. И пнул возле ручки. Хрустнуло, дверь распахнулась настежь.

Большая комната первого этажа была похожа на холл гостиницы — деревянная стойка, диваны у стены, в углу автомат по продаже всяких «снэкс». Я пару раз саданул прикладом по стеклу, осыпавшемуся звонким водопадом на пол, после чего выгреб с полочек пакетики с какими-то сладостями и подобную ерунду. Разорвав пакетик с орехами в шоколаде, я чуть не половину его содержимого высыпал в рот, начав яростно пережевывать. Остальное свалил в привезенный с собой полиэтиленовый пакет и поставил возле двери — потом прихвачу.

Карты тоже нашлись — возле стойки была этажерка с рекламными буклетами и этими

самыми картами, а за стойкой я нашел толстенный том дорожного атласа «Трипл Эй».

— Неплохо! — сказал я самому себе, разворачивая туристическую карту.

Вскоре я убедился, что направление выбрал верно: впереди городок Грэнби, — а вот если бы я свернул налево, то просто ехал бы в гору по пустынной дороге. Поводив пальцем по схеме дорог, примерно нашел то место, из которого выехал, и нарисовал там кружок. А то так еще и заблудишься на хрен.

Отодвинул ящик стола и с удивлением обнаружил в нем револьвер — короткий пятизарядный «Таурис Ультра Лайт» со скрытым курком, в смысле такой, из которого только самовзводом палить, под калибр «.357 магнум». Барабан был полон, рядом нашлась початая коробка патронов, в которой как раз пяти и не хватало. Ну да, Америка, да еще и Колорадо, чему тут удивляться? Это я с непривычки.

Упрятав трофей в рюкзак, взялся шариться по шкафам, найдя еще здоровенный аккумуляторный фонарь с ручкой и зарядник к нему. Знаю я такие, у меня в Москве подобный был. Светит как зенитный прожектор, далеко и ярко.

На втором этаже дома оказались жилые комнаты — похоже, здесь жил менеджмент, а то и владелец, — но ничего полезного не нашел. Холодильник в маленькой кухоньке был совершенно пустым, только в двери нашлись две большие неоткрытые бутылки кока-колы, которые я тоже прихватил с собой, одну открыв по дороге, — благодать-то какая, я колы с момента своего прошлого провала не пил. Вроде никогда и не любил, а вот на тебе, аж застонать хочется от удовольствия.

«Поларис» неторопливо развернулся и понес меня обратно к Форрест Драйв, где я вновь свернул направо, собравшись проверить город. Если люди и есть, то там, наверное.

Дорога, а точнее, та часть снежной целины, которая угадывалась как таковая, перевалила через пологий увал и пошла вниз, открыв вид на долину. Правда, вид был так себе, все затянуто дымкой, скорее даже не слишком плотным туманом.

Не проехав и километра, я увидел по правой стороне длинное, даже очень длинное трехэтажное здание из красноватого кирпича, в котором легко угадывался отель. Свернув к нему, я оказался у подъезда с длинным, заваленным снегом козырьком, на котором прочитал: «Инн эт Силверкрик», «Гостиница на Серебряном ручье». Романтичненько.

Если есть гостиница, то может быть и еда. На ресторанной кухне хотя бы. Спагетти какие-нибудь в пакетиках должны были бы сохраниться, как мне кажется. Или что-то в этом духе. Снегоход с прицепом неторопливо заехал под козырек и остановился. Ружье уже привычно переместилось из-за спины в руки.

Раздвижные двери были открыты, в холл намело немало снега. Огромное двухсветное помещение, кремовые стены, пол покрыт серо-голубым ковровым покрытием. Два чучела медведей — гризли и почему-то белый. Намек для туристов на то, что тут даже такого можно встретить? Или оформитель в столь мелкие детали не вдавался? Простенькие диваны, обитые грубой тканью, световые люки в крыше. Пустота, слышно, как посвистывает ветер: сквозняк здесь сильный.

Надеясь, наверное, найти еще один револьвер, зашел за стойку, открыл все ящики, но ничего полезного не обнаружил. Ладно, пошли в ресторан, вон двери напротив.

Ресторан рестораном не выглядел — скорее тянул на столовку с претензиями. Стулья с виниловой обивкой на металлических каркасах, одноразовые скатерти на столах, в углу банкетный стол унылого вида. Потолок на уровне третьего этажа вовсе не «создает ощущения открытого пространства», скорее вызывает подозрение, что ресторан

организовали случайно, по проекту здесь было что-то другое.

Со столов не убрано. Не со всех, а только с некоторых: похоже, кто-то здесь ел... сам по себе, что ли, официанты не обслуживали. Ни сервировки, ни чего другого. Вот остаток бургера, вон пустая бутылка из-под виски, вон вскрытая коробка какого-то печенья. Кто-то из персонала здесь питался? Может быть.

Где кухня? Вон там, похоже, за той дверью в дальнем углу. Посмотрим.

Дверь отворилась от толчка, пропуская меня в полутемное помещение. Запах тут какой-то есть, несмотря на холод. Ну да, эпидемия началась летом, что-то наверняка успело полежать и на жаре, до того как подмерзло. Где искать? Так, это комната-холодильник — похоже, что от нее дерьмом и потягивает. Заглянул в окошко, забранное толстым стеклом, подсветил фонариком — точно, там мясо. Было. То, что есть теперь, мясом точно не назовешь. Это хорошо, что туда дверь так плотно закрывается, как мне кажется. А вот к лету все заново оттает, и дверь небось сорвет воню как крышку с банки.

Шкафы, шкафы... В одном нашел десяток упаковок булочек для гамбургеров. Причем на ощупь они оставались идеально мягкими. Посветил, посмотрел — все верно, никакой плесени, даром что полгода пролежали. Вскрыл один пакет, отщипнул кусочек, попробовал — действительно нормально. Это сколько в них всякой химии, интересно? Ладно, жрать все равно нечего, сойдет. Затолкал в большой плотный мусорный пакет, поставил его на пол.

Спагетти в кладовке тоже нашлись, самые обычные, из тех, что в супермаркетах продают. Немного, шесть упаковок всего, но нашлись. Никакой «домашней пастой» тут посетителей не баловали, похоже. Белого медведя выставили, макаронами из пакета покормили — иди катайся на лыжах своих, иначе зачем сюда приехал?

Потом в мешке исчезли две пластиковых бутылки оливкового масла, упаковка соли, сахар, несколько пачек кофе в зернах. Все остальное было безнадежно испорчено, а консервов в ресторанах не хранят, насколько я понимаю. Потом потоптался в холле, думая, не проверить ли комнаты, но потом решил, что ничего нужного я там точно не найду. Поэтому выволок мешок наружу, закинул в сани и поехал дальше, к городу.

Дорога влилась в шоссе номер 40, если верить указателям, потому что сама дорога, или шоссе, была для меня все тем же условным понятием: снегоход ехал по целине. Почти сразу после поворота я увидел слева от дороги длинное приземистое здание с красными буквами по фасаду «Городской рынок» и большую стоянку перед ним.

— А стоит поглядеть, — сказал я, поворачивая снегоход с дороги.

Стоянка была почти пустой — лишь несколько засыпанных снегом машин. Почти у подъезда торгового центра стоял военный грузовик, избитый пулями так, что был похож на решето. Кузов под край был завален чем-то, чего я не мог разглядеть под накрывшим снегом. Когда подъехал ближе, увидел в кабине труп водителя, одетого в армейский камуфляж. Труп был в плохом состоянии — его и птицы поклевали, и разложился сильно. Но запаха не было: мороз.

Не сдержав любопытства, я подъехал к борту машины и, встав на заднее колесо грузовика, прямо рукой смахнул снег с груза. И чуть не свалился назад, поняв, что лежит в кузове: он был под край заполнен черными пластиковыми мешками с телами. Соскочив с машины, я отбежал назад, испуганно заозиравшись.

Вот так, только сейчас дошло, что здесь действительно было бедствие, пандемия, эпидемия, забыл, как оно правильно называется. Люди здесь *вымерли*, а не уехали в отпуск. И вот здесь, в кузове, те самые люди. Которые умерли. И так везде, по всей земле, не только

здесь, в Грэнби, штат Колорадо.

Заходить в открытые двери торгового центра стало как-то жутковато. Хотя там и не было темно, а так, полумрак, включил свой «маглайт», взяв в другую руку револьвер.

Здоровенный такой супермаркет. Ряд касс. Перед кассами на полу гильзы, много гильз, в основном одинаковых. Поднял одну, посмотрел на доньшко — пять пятьдесят шесть, военный стандарт, похоже.

Из одного прохода видны чьи-то ноги, неестественно вывернутые. Подошел ближе, почему-то стараясь шагать как можно тише, заглянул — ну да, давно умер. Убит, точнее: вся одежда на груди слиплась от бурой крови. И тоже разлагался, даже натекло с него, но теперь все замерзло. Спасибо морозу, а то бы здесь такое было...

Через соседний проход вошел в торговый зал, огляделся. Справа какая-то электроника, всякие кофеварки с телевизорами, продукты слева. Мясной отдел, в котором мясо превратилось в серые, жуткие на вид глыбы, сейчас замерзшие. На них даже черви замерзли, кажется. Но вонь все равно есть, хоть и не убийственная, как могла бы быть. По магазину сильно прошлись, кажется, но всего не вывезли, много просто развалили.

Дальше в зале нашел еще два трупа, один в полувоенной форме, с пустой кобурой на бедре, второй труп женский, без одежды. Оба обгрызены, внутренности выедены, и на конечностях следы зубов явственно видны. Хищники приходили? Одежда женщины нашлась неподалеку, за стеллажами с одноразовой посудой, то ли сорванная с жертвы, то ли срезанная, я не разглядывал специально. Вспомнилась фраза, которую я прочитал в *своем* дневнике:

«Паника. Была невероятная паника. Карантины. Войска на улицах — ничто не помогло, потому что было уже поздно, заражены были почти все, включая тех, кто должен был стоять на карантинных заставах. А может быть, даже все, я не знаю. Болели везде. Смертность составляла, как теперь сказали, девяносто процентов. Заболевшие, зная, что они обречены, творили безумства. Не все, разумеется, но очень многие. Стреляли повсюду. Горели дома. Убивали друг друга на каждом шагу. За кривой взгляд. За слово, за бутылку, просто так. Дезертиры, мародеры, бандиты, безумцы — все выплеснулось сразу, как грязная вода из перевернутого ведра, разлилось по всему миру, от одного его края до другого, испачкав все и осквернив.

Как ни странно, но власти умудрялись сохранять какую-то структуру, за ними чувствовалась железная рука, но пользы от этого не было никакой — что толку в порядке, если его становится невозможно поддерживать, потому что все умерли? Среди кого его поддерживать? Кордоны стояли посреди пустеющих городов, а в них стреляли из окон, грузовые машины вывозили завернутые в полиэтилен трупы на мусоросжигательные заводы, где они обращались в черный дым, но все это было бесполезно».

В это веришь. Легко. Даже здесь старались больше испортить, чем взять.

Мне удалось наполнить разными консервами тележку, которую я покатыл по проходам на улицу, не выпуская «смит-вессона» из руки. Ничего не взял с полок, потому что все валялось на полу. И там еще очень много всего на полу, для меня точно хватит.

За две ходки загрузил сани и заднее сиденье снегохода. Можно бы еще взять, да боюсь, что будут проблемы на глубоком снегу. Завтра. И город я разведу завтра, а сейчас отвезу добычу обратно. Теперь уже точно не пропаду.

По пути к дому увидел стаю собак — с десяток голов самых разных пород, стоявших в поле и смотревших в мою сторону. Сначала отмахнулся — что мне, вооруженному до зубов, какие-то ледащие дворняги, — но потом представил, на чем эти собаки откармливались, и сплюнул. Была бы винтовка с собой — попытался бы подстрелить хотя бы пару, но для дробовика они были далековато. И мысленно сделал себе пометочку, что таких стай надо опасаться. Заодно, похоже, появился ответ на вопрос о том, кто обгрыз все трупы в супермаркете.

Не заблудился, естественно: по своим же следам и доехал. Снегопад немного усилился — подумалось, что завтра придется кататься вообще по рыхлому свежаку. Хорошо, что хоть какую-то тропу сегодня накатал.

Никаких новых следов у дома не появилось, снег не обманывает. Завел снегоход с нартами в гараж, неторопливо его там разгрузил, радуясь тому, что появилась еда. И не только: я еще несколько бутылок хорошего коньяку прихватил, выбирая те, где маркировка «ХО». Никаких особых изысков в этом почти что сельском супермаркете не нашлось, но тот же «Хеннесси» — пожалуйста. А мне сейчас вполне сойдет.

Повозившись недолго в мастерской, соорудил нечто вроде таганка для камина, просто свинтив его из металлических планок. Не до красоты: зато и чайник на него встанет, и кастрюля. Потом разжег огонь и поставил на него кастрюлю, набитую свежим снегом.

Атлас был действительно подробным, пожалуй, даже слишком подробным по моим потребностям. Мне нужно было просто определить, как ехать на Денвер. Выходило не так много дорог, а если конкретно — то всего одна. Денвер по другую сторону Скалистых гор, туда перевалами. И если честно, сама мысль о путешествии через горы вызывает у меня глубокий пессимизм. Если я здесь, в предгорьях, почти что на равнине, перемещаюсь только на снегоходе, то как будет там? И ведь чем выше, тем больше будет снега, насколько я понимаю. И еще там два туннеля — в Айдахо Спрингс и в Эвергрин. Что сейчас в этих туннелях?

И с туннелями еще моментик: я туда просто не полезу. Вообще. Потому что там темно, а там, где темно, может завестись Тьма. И тогда будет как в той шахте, что у городка Красношахгинска из прошлой моей жизни. И даже если Тьмы здесь нет, я все равно не полезу. Потому что она *может быть*. Что делать?

Так, я вчера видел фотографии *Насту-бис* возле самолета. Небольшого такого симпатичного самолетика, из чего сделал вывод, что она летает на нем для удовольствия: для бизнеса он слишком маленький. Могла она догадаться, что это *ее* самолет? Могла полететь на нем? Вполне. Точнее даже скажу, что будь я ею, так бы и сделал: ей летать, кажется, проще, чем ходить. Где мог быть ее самолет?

Карта подтвердила записку — в Грэнби есть аэродром. Уверен, что если я покопаюсь в бумагах, то найду какие-то упоминания о самолете. Собственном самолете. Но Настя, как мне кажется, была здесь до снегопадов, иначе снегоступы не висели бы так аккуратно в кладовке и снегоход не выглядел таким нетронутым. А вот как мне? Аэродром сейчас засыпан, не взлетишь, а если и взлетишь, то где сядешь? Лететь до теплых краев? Боюсь, что не получится. Если какой-то совсем маленький найти, вроде того с фотографии, но опять же... это по теплу можно просто на дорогу сесть или на любое поле, а сейчас? С лыжами их

тут, поди, хрен найдешь.

Но вообще проверить надо, так что я записал себе в блокнот «проверить аэродром» первым пунктом в план на завтра. Чем черт не шутит! Хотя и более чем сомнительно.

Ну ладно, дальше что? А дальше ничего, надо проверять город, а там уж как вывернет. На обратном пути завернуть в супермаркет и еще с пола всякого пособирать: банок было еще много. А то вдруг оттепель — и туда небось уже не войдешь, прямо на пороге сдохнешь от вони.

Кстати, думаю, что ночевать можно и здесь, у камина. Не видел я никаких признаков Тьмы здесь сегодня, только собаки, но те не прорвутся через стекло. Зато топливо в генераторе экономиться будет, а дров много. И если честно, то их даже очень много: тут почти у каждого дома по поленнице, грузы в нарты и привози.

Стоп, топливо тоже привозить можно, наверное. Было бы в чем. А в супермаркете ничего подходящего не было? Должно быть. Хотя бы вода в больших банках, да и просто в хозяйственный отдел надо заглянуть. Точно. Мог бы и раньше сообразить.

Потянувшись к блокноту, лежащему на кофейном столике, записал: «Поискать канистры». Подумав, добавил: «Бутилированная вода, не хрен снег топить».

Вода в кастрюле, к слову, закипела, и я высыпал туда половину пачки спагетти, тщательно умяв их ложкой и перемешав. Глянул на упаковку — восемь минут варить. Значит, десять: пусть разварятся немного, получится больше и сытнее. Покопавшись в мешке, нашел банку с консервированными сосисками, открыл, понюхал — вроде нормально, есть можно. Нет, банка не вздутая, просто вопрос съедобности самих сосисок рассматривался. Сойдет, сожру.

Взгляд упал на прислоненный к дивану «ремингтон». Кстати, эта винтовка на сколько метров пристреляна? В принципе, на дистанциях до трехсот, например, это не шибко важно, но дальше станет критичным. Я бы завтра эту винтовку вместо дробана прихватил. Если собаки увяжутся, то дробан станет оружием сугубо оборонительным, а вот хорошая винтовка с хорошим прицелом — уже наступательное. Я их тогда и вовсе извести смогу. Нет, я понимаю, что любовь к животным и все такое, но я обгрызенные трупы уже видел. Это больше не те собачки, которых хочется любить.

Так, что у нас за патроны? «Винчестер», пустоголовые с баллистическим наконечником, девяносто пять гран. Не «боуттейл», так что не для дальней стрельбы. Хотя на те же триста должны бить отлично, даже так видно, что дорогой патрон.

Если винтовка для охоты использовалась, думаю, что пристреляна метров... нет, ярдов на сто, тут все в ярдах. Но не поручусь, надо бы проверить. Сейчас и проверю. Дальномера нет, не нашел, но видел большую рулетку. Отмерю пятьдесят, прямо во дворе, и поправочки сделаю. А мишени у меня есть — как раз под пристрелку, с пятью центрами. Если винтовка пристреляна, то справлюсь легко.

Значит, так, сколько тут от оси ствола до линии прицеливания? Сбегал в гараж за штангенциркулем, который, к счастью, был и в сантиметрах, и в дюймах размечен, замерил. Вышло шесть сантиметров ровно. Многовато вообще-то, но тут уже конструктивные особенности системы Стоунера мешают прицел ниже ставить: приклад совсем прямой и высоко стоит.

Так, если эти линии встречаются на ста ярдах, а траектория у такой быстрой пули на столь короткой дистанции должна быть почти прямой, то, условно, на половине дистанции превышение точки прицеливания над средней точкой попадания должно быть каким?

Правильно, сантиметра три. Примерно.

Так, а если бы я рассматривал эту винтовку не как охотничью, а как... боевую, условно, то на какую дистанцию пристреливал бы? На триста. Потому что для нее самая дистанция — это до пятисот. Или даже шестисот, если умеючи. Вот и брать надо серединку.

Так, стоп. А если винтовка пристреляна на триста, например, то где будет ближний ноль? А вот не на ста ли ярдах, тоже так примерно, а? На три сотни пуля уже по дуге полетит, пусть и кривоватой из-за потери скорости, но именно по дуге. Дальний ноль как раз триста, а ближний... хм.

Так, а компьютер-то, компьютер! Наверняка там какой-то баллистический калькулятор есть. У меня был, например.

Засуетился, побежал наверх, в кабинет, спустившись оттуда с парой мишеней и ноутбуком. И действительно, минут через двадцать поисков нашел программу на русском языке, с большой базой патронов. Нашел даже вот этот самый, который тут у меня, обозначенный как Winchester SBST243A. Прошелся по данным винтовки, меню «Зарядить» и «Вычислить!», вследствие чего обнаружил, что если винтовка пристреляна на триста, правда метров, а не ярдов, то ближний ноль будет на двадцати восьми метрах. А на пятидесяти пуля пойдет выше точки прицеливания. А на двести метров или больше чем на триста эту винтовку никто прицеливать не будет. К тому же стандартная длина стрельбища, где этим обычно занимаются, как раз бывает сто и триста. Ну, примерно разобрался.

Потом притащил из гаража рулетку с лентой на двадцать пять ярдов и со всем этим побежал во двор, где уже успел пробить тропинки.

Стрелять пришлось с террасы в сарай для инвентаря: до него пятьдесят шесть ярдов оказалось. Уже несущественная погрешность, учитывая, что калькулятор в метрах. Стрельнул три раза, положив винтовку на перила, пригляделся в прицел. Три дырки легли немного выше центра и чуть правее, но сейчас ветер сильный, так что не надо поправок. Значит, можно смело предполагать, что винтовка пристреляна на триста. Кстати, сама стрельба понравилась. Отдача мягкая и прямолинейная, цель даже не теряется. Оружие практически не подпрыгивает.

Кстати, не мешало бы и маленький прицел проверить, но больно уж патронов мало. С другой стороны, случись воевать, больше потеряешь с непристрелянным оружием. Хотя вряд ли оно не пристреляно, я бы такое в шкафу не держал. А он? А он тут при чем, когда это я.

Так, и еще моментик: в гараже на верстаке стоит такой синенький станок для перезарядки патронов. А я не видел ни гильз, ни пороха, ни пуль. Стоп-стоп-стоп... где я еще не рылся? А вот там, в мастерской, я толком и не рылся, только инструмент с крючьев снимал. И кому я тут стою? Вперед, бегом марш!

Металлический шкаф оказался заперт, но тут я беречь его не стал, сорвал навесной замок гвоздодером, безжалостно выдрал при этом петли. Ну вот, так куда лучше! Гильзы, гильзы в больших пакетах, белые — оцинкованные, что ли? «Ремингтон» под «двести сорок три»... а заодно и под «триста восемь», и под «двести двадцать три» тоже есть, а вот оружия такого нет. Настя забрала? Возможно. Пули... ага, для камуфляжного «ремингтона» пули разные, все сплошь производства «Сьерра», «Матч Кинги» по семьдесят гран и охотничьи стограновые «Гейм Кинги». Было много пороха и капсулей, так что... боекомплект будет что надо. Узнаю себя.

Пошарив в коробках, нашел наборы для перезарядки только винтовочных калибров — для пистолетов не было ничего. Еще бы руководство найти, узнать, сколько пороху идет в

навески: экспериментировать нельзя.

Руководства нашлись, как раз на упомянутые три калибра: голубые книги с изображением донца гильзы. Нашлись в кабинете, уже после того как я, умаявшись переворачивать гараж, сообразил, что книг здесь хранить никто не станет. К тому времени как я засел за переснарядку патронов, уже почти стемнело, так что я плюнул на экономию и оставил генератор включенным, решив заодно снаряжать и «двести двадцать третий»: пусть будет — вдруг найдется что-то под него?

Потом опять задумался над наличными прицелами. Думал, думал, медленно попивая коньяк из большого бокала. Так, у небольшого трехкратного прицела вместо колец быстросъемный «маунт», то есть кронштейн, и то есть прицел рассчитан на быструю установку.

Увеличение не регулируется — трехкратка, и все тут, но прицельная марка яркая и видна отлично. С этим прицелом, например, увеличением можно и на сто метров пострелять, и на меньшую дистанцию, и метров на триста тоже очень вполне. Даже дальше.

Получается тогда, что «рем» становится вполне обычным и мобильным оружием. По весу он как... ну, как тот же FN FAL, например, или немецкая G3, я так прикидываю, а это просто армейские автоматы. Плюс толковый прицел... нормально. Зазоры, думаю, у «рема» поменьше — все же винтовка на точность рассчитана, так что уход за ней нужен серьезный.

Решив не откладывать дело в долгий ящик, снял с «ремингтона» большой прицел, установил поменьше. Приложился — далековато, сдвинул назад. Примерился, подвигал оружие так, чтобы сразу попадать в правильное расстояние для зрачка, — нормально. Подсветка регулируется, положение глаза ловится инстинктивно, расстояние от зрачка серьезное, сантиметров десять.

Приложился, понаводил прицел на разные предметы — отлично, очень быстро выходит, можно навскидку палить. И оба глаза держать открытыми получается запросто, что еще важнее. Пристрелял «всухую», с помощью найденного в шкафу специального пристрелочного коллиматора «бушнелл». Идеальной точности это не даст, на соревнования с такой пристрелкой не пойдешь, а вот по собаке уже не промахнешься.

В общем, как и решил, устроился спать у камина. Дробовик под руку, две заряженные крупной дробью двустволки положил в разные углы комнаты, на всякий случай. Ну и револьвер под руку. Спал беспокойно, часто просыпался, но, в общем, выспался, и ночью меня никто не беспокоил. Под утро показалось, что кто-то пробежал по двору, но, посветив найденным фонарем-прожектором, увидел, что никаких следов на снегу нет. Померещилось.

— Так, сегодня город на очереди, — сказал я своему отражению в зеркале, после того как побрился. Нечего зарастать, а то сперва себе с бородой волю дашь, потом мыться перестанешь, а потом вообще...

С утра взял вместо дробовика «ремингтон», предварительно шесть раз, дважды по три, стрельнув с террасы, окончательно пристреляв винтовку. Взял патронов и револьверы прихватил, оба, а найденный «таурис», к которому не было кобуры, спрятал просто в карман — типа оружие последнего шанса будет. Нормально, готов.

Потом собрал все сумки в доме, которые покрепче, забросил, перевязав, в нарты-прицеп. И туда же моток веревки кинул, которую нашел в инструментах. Все, можно двигать.

Хоть снег сыпал всю ночь, но моих следов не замел, так что сегодня я уже пробивал вполне полноценную тропу. Еще раз проеду — и считай, что дорога получилась. По проторенной дороге и снегоход шел легче, хотя, впрочем, он и вчера не слишком напрягался,

по ощущениям. Пока ехал мимо соседних домов, подумал, что в них может быть много всего нужного, но когда попытался представить, что именно мне нужно, догадаться не смог. В принципе для дороги у меня есть уже все, спасибо тому мне, который жил здесь до меня. И ехать, похоже, придется налегке, на вот этом самом снегоходе, если сумею дорогу мимо туннелей найти. Оружие есть, патроны есть, одежда есть, еда тоже уже есть, надо бы только что-то такое добыть... для выживания в холоде, как мне кажется. Ночевать, как я думаю, получится в домах, но дома выстыли начисто, надо будет как-то греться, да и спальник хороший не помешает, а вот такого ничего у *меня* дома не нашлось. Не любитель я спать на природе, наверное, потому и не запасался.

Вот поворот к супермаркету, мой вчерашний след закончился, теперь опять по целине. Скорость чуть-чуть упала, но не сильно, снегоход словно плывет по нетронутому снегу. Хорошая машина.

Вскоре с трудом угадываемая дорога привела меня сначала к какому-то мотелю затрапезного вида, длинному и двухэтажному, затем показались склады, сплошь увешанные вывесками про запчасти. Похоже, с поправкой на наличие огромной стоянки, на которой замерло несколько заметенных снегом грузовиков, место было популярным среди дальнобойщиков. Один из грузовиков сгорел, у двух других прицепы были открыты, а на снегу лежали горы каких-то коробок — видно, груз кто-то потрошил. У ворот одного из складов я разглядел что-то похожее на кучу тел под снегом, но проверять мне совсем не хотелось. Видел уже, достаточно.

Потом слева от дороги показался очередной торговый пяточок. Не удержавшись, все же свернул туда, в надежде найти спортивный магазин или что-то подобное. Сначала наткнулся на офис Федеральной лесной службы, потом на психушку с расстрелянными окнами и несколькими промерзшими трупами в холле, которые я разглядел с дороги. А затем обнаружил магазин «Пауэр Спортс», торговавший снегоходами.

— Надо пошариться, — сказал я, останавливаясь у входа.

Винтовку за спину, револьвер в руки — и вперед. Дверь была прикрыта, внутрь снега не намело. Здесь не стреляли и никого не убивали, все было так чисто, словно до открытия осталось пять минут. Просторный зал, светлый, торговали здесь не только снегоходами, но и квадроциклами, и какой-то незнакомой их разновидностью с двумя сиденьями — то ли маленькими джипами, то ли багги — черт его знает, в моем двухтысячном такого не было. Сначала ничего полезного не нашел. Было много шлемов, но я шлема не надевал, мешает он. Потом все же прихватил пару зимних костюмов — может, и пригодятся, — взял ботинки, перчатки, еще теплое белье нашел, взял несколько комплектов, потому как в дороге стираться будет проблематично, я думаю. Затем повезло: наткнулся на специальные канистры для квадроциклов, плоские, которые удобно укладывать на багажник. Сгреб десяток, смотал веревкой через ручки и забросил в нарты. Все.

За магазином оказалась пожарная часть, явно совсем новое здание с красной крышей и фонарями перед подъездом. На обоих фонарях и светильнике над дверью висело по исклеванному птицами трупы. Подъехал ближе, увидел на груди ближнего табличку «Мародер». Вот так тоже бывает, получается. Развернувшись на просторной стоянке, выехал на дорогу.

Первый признак того, что здесь действовала какая-то власть, обнаружился на мосту через реку. Баррикада из мешков с землей, рогатки, угловатый, ящиком, бронетранспортер, брошенный и присыпанный снегом. Остановился рядом, заглянул в бронемашину, надеясь

увидеть там что-то вроде забытого автомата, но не увидел, разглядел лишь набитую здоровенными патронами ленту к крупнокалиберному пулемету. Нет, не мой масштаб, пожалуй.

Интересно, почему такой большой железный транспорт бросили? Ладно, мне-то какое дело теперь. Поеду дальше.

За мостом оказался на развилке. Можно налево, в город, а можно направо, к аэродрому. Решил все же начать с аэродрома, свернул вправо, поехав мимо какой-то импровизированной промзоны. Ангары, кучи досок штабелями, машины, контейнеры. Похоже, строители расположились, да строить уже нечего и некому. Проехав крайний дом на не слишком длинной улице, оказавшийся мотелем, свернул прямо в поле: все равно никакой разницы. Потом подумал, правда, что так можно и в какой-то занесенный снегом овраг заехать, из которого и на «поларисе» не выберешься, но обошлось, добрался до другой улицы, а потом уже по ней до аэродрома.

Границы самого летного поля определить не удалось: белая равнина — и все тут. Но увидел небольшой ряд небольших самолетов, полускрытых под кучами снега, а дальше ангары и двухэтажный домик, вроде как контора или что-то в таком духе.

— Ну и что теперь? — уже привычно спросил я самого себя, выехав как раз туда, где, по моим прикидкам, должна была проходить взлетно-посадочная полоса. — Лезть в ангары? А почему бы и нет? С конторы начну.

Контора была заперта, но такую дверь запирают — самого себя обманывать. Пара движений предусмотрительно прихваченным гвоздодером, пинок — и милости просим. Маленький офис, компьютер с плоским монитором, бумаги, шкаф с ключами на стене. Открыл, присмотрелся — на ключах бирки с номерами: похоже, что как раз от ангарных ворот. Уже чуть проще... если докопаюсь до них через снег.

В шкафу на верхней полке обнаружился потертый четырехзарядный дробовик «Ремингтон-870» с деревянным прикладом и коробка патронов. Ты гля, какие здесь правильные люди жили. Прихватил, естественно, оружие с собой.

На втором этаже была, насколько я понял, вышка, или диспетчерская, или как это все правильно назвать. Все заставлено радиоаппаратурой, отчего в голове сразу сформировалась мысль послушать эфир. Потом сообразил, что все давно обесточено и ни хрена из такой затеи не выйдет. Еще вспомнился отдел электроники в супермаркете, и я подумал, что на обратном пути надо будет прихватить там что-нибудь с радио: в доме я ничего такого или не видел, или просто не понял, что это оно. Если где-то есть люди, то они должны быть в эфире. Мне так кажется. А вообще я debil, даже не попытался до сих пор телевизор включить: вдруг он работает?

Ладно, что делать-то? Попробовать лезть в ангар или забить на это дело? Ну залезу, а дальше? Полосу расчистить? Ну даже если так, найду какой-нибудь бульдозер, то дальше что? На бульдозере лететь? Нет, на фиг, не буду даже время терять, разве что ключи прихвачу с собой, мало ли как дальше все повернется.

Вышел из конторы, постоял на крыльце. Серо, ветрено, мертво. Не пусто — именно что мертво. Это как-то чувствуется, душой, нутром, сознанием. Захотелось плюнуть на все планы, быстро добраться до своего дома и запереться там. Ну его все к черту, что мне здесь еще разведывать? Потом подумал, что меня такие картины наверняка ждут еще и впереди, так что избежать свежих впечатлений не получится, надо ехать.

Кстати, один ангар открыт — мне отсюда видно: внутри пустота. И квадроцикл

брошенный рядом. Не Настя ли здесь была? Очень медленно поехал в сторону города. Сначала увидел трейлерный парк со старыми и ржавыми машинами, такой же мертвый, как и все остальное. Пара трейлеров сгорела до фундамента, выгорели и машины перед ними. Потом был квартал новых модульных домов — следующий шаг к процветанию после трейлерного парка по американским меркам. А потом все вперемешку потянулось — приличный щитовой дом, трейлер на участке земли, какая-то развалюха, опять нормальный дом. Обычные деревянные заборы, не лучше, чем в какой-нибудь деревне в Нечерноземье, недорогие машины, в основном пикапы. Похоже, особым богатством городок не блистал. Кстати, *мой дом* выглядит новым, равно как и все соседние, так что, думаю, тут туристический бум начался, и Грэнби намеревался процветать — и тут вот так. Ну да, это же практически Аспен, насколько я понял из карты, самый популярный лыжный курорт в Америке. Ну, недалеко от Аспена.

Здесь кресты с цифрами были уже на каждом доме, что бы они ни означали. Уверен, что ничего хорошего. Но приметы плохого по-настоящему появились тогда, когда я подъехал к Грэнби Элементарной, местной начальной школе. Ее сетчатый забор поверху был обтянут колючей спиралью, на въезде на школьную территорию установлен шлагбаум, за ним несколько огневых точек из мешков. На фасаде школы большой плакат с буквами FEMA — американский аналог российского МЧС.

Сейчас шлагбаум был поднят, стоянка пуста, разве что у самого выезда стоял на спущенных покрышках расстрелянный черный «сабербен». У дверей самой школы виднелся фургон «скорой помощи», а в самом дальнем углу площадки приткнулся военный грузовик вроде того, груженного трупами, что я видел у «Сити-Маркета», и «хамвик» пустынной расцветки с распахнутыми дверями. В машинах не было никого.

В здании школы, как оказалось и как я прочитал на плакате, был развернут временный госпиталь. Сейчас двери этого госпиталя были крест-накрест забиты длинными досками и заклеены лентами со значками биологической опасности. Стоя рядом, я словно кожей ощущал ту ауру смерти, которую он распространял. Заглянул осторожно в «скорую», почему-то ожидая увидеть в ней трупы, но ничего такого там не было. Даже носилок не было, зато на полу лежал огромный пластиковый пакет, из которого вывалились одноразовые медицинские маски.

Ну да, эпидемия. Была. А я тут гуляю как хочу. Блин. Хоть раз бы задумался. Ладно, теперь-то что? Какой там инкубационный период? От четырех месяцев? Вот через четыре и посмотрим. Тем более что к зиме, насколько я помню из книг, все эпидемии и заканчивались, сами по себе.

Поразмыслив таким образом, я вытащил мешок с масками из фургона и перебросил в нарты. Потом вытащил одну и надел, заправив резинку под вязаную шапку. Авось поможет, если не поздно. Идиот, что еще скажешь. Тьмы боюсь, хотя тут...

Дальше поехал по стрелкам: на каждом повороте стояли указатели с маркировкой все той же FEMA, ведущие к некоему «штабу», который предсказуемо расположился в местном таун-холле.

Здесь все было организовано куда серьезней. Немалая территория между офисом почты, таун-холлом и городской библиотекой была огорожена, в проволочно-мешочном периметре рядами стояли трейлеры с эмблемами FEMA, военные грузовики с жилыми раздвижными кунгами, были развернуты антенны. И вновь пустота, опять все брошено.

Еще трупы — трое, в военном летнем камуфляже, лежащие у стены, руки связаны

проволоккой за спиной. Похоже на расстрел, только почему военных? От самих трупов осталось немного: явно собаки постарались. Лица изгрызены, видны оскаленные зубы, пустые глазницы, клочья волос. Я уставился на выеденный живот одного из мертвецов, в который намело снега, ощущая какую-то дикую иррациональность всего происходящего, а потом на меня вдруг накатило — и я, едва успев сдернуть маску, разорвав резинку, опираясь руками в колени, долго и мучительно извергал остатки завтрака.

Накатила слабость, закружилась голова. Нагнулся, чтобы зачерпнуть чистого снега, но неожиданно вспомнил о лежащих рядом трупах, отдернул руку. У меня фляжка есть, с кипяченой водой. Достал из рюкзака, отвинтил крышку, прополоскал рот, попил немного. Отпустило вроде.

Из пакета с масками достал новую, надел. Самоуспокоение, но черт его знает. Вновь револьвер в руку, и... с чего начать? С таун-холла начну, хотя понятия не имею, что надеюсь там найти.

В общем, не нашел ничего, кроме следов поспешной эвакуации. Несколько окон было разбито, и по зданию гулял ветер, намело немало снега. Ни людей, ни трупов, просто бумаги, сдвинутые столы, перевернутые стулья. Какие-то военного вида ящики, оказавшиеся пустыми, никакого забытого оружия и патронов. Ну да и ладно.

На стене в одном кабинете обнаружился странный плакат с фотографиями, датированными 2004 годом: «Повреждения, нанесенные городу Грэнби». Сначала я решил, что здесь было землетрясение, но, прочитав текст, узнал, что какой-то владелец мастерской по ремонту глушителей поссорился с местными властями, забронировал бульдозер и развалил им как раз таун-холл, полицейский участок, раздавил два патрульных крузера, переехал дом мэра и строящийся цементный завод, банк, офис городских коммунальщиков, вследствие чего оставил половину города без работы и местный бюджет с огромной дырой. Потом он застрелился. Молодец, здорово придумал, придурок. А городишко и вправду впечатления процветающего никак не производит: помог он соседям сильно, видать.

Ладно, дело прошлое. Соседям уже все равно, похоже. Я вышел на крыльцо и замер, вскинув револьвер: прямо у снегохода выстроилась полукругом собачья стая.

— Откуда это вы? — спросил я у здоровенной темно-серой псины непонятной породы, попутно сдавая задом обратно в дом.

Оказавшись за дверью и подперев ее ногой, оставив небольшую щель, достаточную для того, чтобы целиться и недостаточную для того, чтобы собаки могли заскочить следом, я почувствовал себя чуть уверенней. Собак, кажется, мой маневр немного озадачил. Две или три из них дернулись было атаковать, что характерно — без всякого рычания и демонстраций, то есть уже совсем одичали и облюдовались, — но остановились. А я решил не останавливаться, и, прицелившись в самую ближнюю, большим пальцем взвел револьвер, а потом потянул ставший неожиданно легким и податливым спуск.

Грохнуло, чувствительно отдало в руки, сверкнуло хвостами огня от стыка ствола с барабаном, собака отскочила назад, но тут же свалилась, задергавшись и завертевшись на снегу. Остальные дернули в стороны, сразу же, мгновенно, но я успел достать еще одну, влепив ей пулю куда-то в задницу. Она перекувырнулась через голову и тоже забилась, окрашивая снег ярко-алой кровью. Остальная стая метнулась дальше по улице, остановившись и опять сбившись в кучу метрах в стах от меня.

— Это вы зря, — сказал я, доставая из барабана две пустые гильзы и вталкивая на их место два новых патрона. — Зря вы это, зуб даю.

Сняв из-за спины «рем», я на всякий случай обошел подальше умирающую собаку, всунул локоть левой руки враспор под ремень винтовки, оперся на капот стоящего у самого крыльца эвакуатора. Марка выставленного на пятикратное увеличение «бушелла» остановилась на той самой большой серой псине, которую я принял за жоака. Прицелился сначала в голову, но потом передумал и перевел перекрестье на плечо, так надежней и... мне кажется, так напугает их больше.

Большой палец толкнул клавишу предохранителя, я задержал дыхание... выстрел эхом отразился от стены здания, большая серая собака дернулась, сделала пару хромых прыжков, а затем свалилась на снег, уже неподвижно. Стая метнулась вдаль по улице, и мне вновь удалось выцелить еще одну, подранив, но не убив. После этого собаки резко сменили направление и бросились за угол, пропав из виду.

— Вот так, не ходи за мной, — сказал я, меняя магазин на полный. — Убью ведь.

Обернувшись, я обнаружил, что подранок еще жив и пытается ползти. Нехорошо так оставлять. Вспомнив про короткий револьвер в кармане, я достал его, прицелился раненой собаке в голову и потянул спуск. «Коротыш» грохнул куда звонче и резче, чем длинный револьвер, несмотря на меньший калибр, собака замерла. А я заодно убедился, что найденное оружие вполне работоспособно.

Что еще? Трейлеры проверить? Почему бы и нет. Мало ли...

Подумав, натянул на ботинки снегоступы: все же по целине бродить утомительно. Сразу стало легче, почти перестал проваливаться. По пути добил вторую раненую собаку, затем убрал маленький «таурис» обратно в карман, тоже добавив барабан до полного.

Первый трейлер был просто пуст. Использовался он, похоже, как зал совещаний, так что вся его обстановка состояла из одного дивана, длинного стола со стульями и крошечной кухоньки с кофеваркой. Если и было здесь что-то полезное, то все уже вывезли. В радиофургоне я тоже ничего нужного не нашел. Просто потому, что не смог прикинуть, чего здесь хочу нужного: все незнакомое, все явно зависит от внешнего питания. Попытался пощелкать тумблерами, но, естественно, бесполезно.

Третий трейлер был лабораторией, похоже. Много стекла, много пробирок, много аппаратуры непонятного предназначения. У стены, откинувшись на стуле, сидел закоченелый труп. Причина смерти была понятна сразу — на полу возле него лежал небольшой черный пистолет, а мозги разбрызганы по светло-серой стене. Рядом, на лабораторном столе, я увидел записку, прижатую снаряженным магазином: «We got fucked. We can't help anybody nor can't help ourselves. We're DEAD!» И ниже пририсована круглая улыбающаяся рожица Мистера Хэппи над скрещенными костями.

— Ну да, ты точно умер, — сказал я, вглядываясь в лицо мертвеца, бледное, бескровное, обвисшее, тронутое тлением, а теперь замерзшее до костяного состояния. — Нехорошо получилось тут у вас.

Нагнувшись, поднял пистолет, оказавшийся совершенно незнакомой мне «береттой» с пластиковой рамкой. Поискал маркировку, нашел клеймо «Px4 Storm» — никогда про такой не слышал. Но в руке удобно лежит. Выкинул магазин в ладонь — двух не хватает, а так семнадцатизарядный. Затем выбросил патрон из патронника, поймав его на лету, заодно удивившись тому, что ствол вращается. Ладно, потом разберусь. Следом взял второй магазин со стола и все убрал в рюкзак. Никаких других магазинов и патронов не нашел. Ладно, у меня еще два полных магазина к «глоку», там тоже тридцать патронов.

Интересно, кем он был? Одет в гражданское, худой, лысоватый, на столе лежат очки —

наверное, снял перед тем, как сунуть ствол в рот. Нет, не похож на «силовику»: или чиновник, или доктор... не знаю, мне просто так кажется.

В следующем трейлере нашел местные «Желтые страницы», лежавшие на столе. Полистал, наткнулся на рекламу оружейного магазина «Вестерн Ганкрафт», обнаружил, что он всего в квартале отсюда, если возвращаться в сторону аэродрома. Проехать? Сомневаюсь, что там что-то осталось, но... все равно ведь рукой подать.

На улице опять огляделся — собаки появились возле труп вожака, но жрать его еще не принялись, а так, стояли рядом. Подумав, опять взялся за винтовку, на этот раз прижав ее к боку жилого трейлера для устойчивости. Выцелил крупного серо-бурого пятнистого барбоса, выстрелил, целясь на этот раз в голову. Собака свалилась, остатки стаи сразу же скрылись за углом. Почему-то уверен, что больше они ко мне не сунутся.

Снегоход завелся и, неторопливо выехав через открытые ворота заброшенного периметра, двинул дальше по улице. Свернув направо, а затем налево, я оказался на параллельной улице и сразу же увидел вывеску магазина перед маленьким одноэтажным домиком на два окна. К удивлению моему, магазин оказался заперт, окна не выбиты, в общем, на первый взгляд все в порядке. Ну да, здесь же военных было полно, особенно не помародеришь...

Дверь ничего особого собой не представляла: два выстрела из найденного на аэродроме дробовика, пара движений гвоздодером — и милости просим. А вот оружия в магазине не оказалось вообще, равно как и патронов. Не думаю, что здесь было его много, магазин совсем крошечный, тут скорее даже мастерская, а не магазин, но не оставили ничего. Пустые решетки с крючками на стенах.

Ничего? Я замер в дверях, задумавшись, потом вернулся и прошел за прилавок опять. Как это ничего? А вот это что?

Присев на корточки, я начал вытаскивать с полок коробочки с насадками для перезарядного пресса, пакеты с гильзами, коробки пуль, плоские упаковки капсулей, потом извлек из стального шкафа несколько банок пороха. Думаю, что во время наступившей беды людям было не до этого, они брали только оружие и готовые патроны. А это все осталось. Кобуры, ремни, какие-то прицелы, что-то еще — масса всего. А мне пригодится: я уже сейчас вижу, что могу доснарядить кучу патронов к револьверам и пистолету, к дробовику, еще к винтовкам. У меня время есть, надеюсь.

Больше мне в Грэнби не нужно ничего, решил я, сидя у камина и пытаюсь найти что-нибудь по радио, которое прихватил из ситимаркета на обратном пути. Мне надо только продумать маршрут и подготовиться к дороге. Спальника и печки для кемпинга я так и не нашел, в супермаркете ничего подобного не было, и «Желтые страницы» не подсказали. Ладно, это пока не критично, можно что-то придумать. Ночевать только в домах и выбирать те, которые с печками или каминами, по трубе это всегда видно. Туннели вот только, туннели... Улетела Настя, рупь за сто, на самолете улетела. А мне что делать?

Почему-то представился вертолет, взлетающий откуда угодно и куда угодно приземляющийся. Вздохнул, искренне пожалев о том, что вертолетом управлять не умею. А так и классно было бы, особенно если найти такой, что на обычном бензине. Есть такие, я точно знаю. Перемахнул бы через Скалистые — и вот он Денвер.

Опа, а это что?

Автопоиск радио вдруг остановился, поймав какую-то станцию на средних волнах. Слышно было так себе, но... но слышно.

— ...Правительство восстанавливает нормальную жизнь южнее северной границы штатов Нью-Мексико, Оклахома, Арканзас, Теннесси, Северная Каролина. Все выжившие приглашаются на проживание на вновь воссоздаваемых территориях. Лицам, страдающим синдромом Дабл-Ар-Эс, будет оказана помощь, они смогут вернуться к нормальной жизни...

Вот это да... вот это уже что-то. И от Колорадо до Нью-Мексико рукой подать, даже не обязательно ломиться через Скалистые горы, можно двинуть просто на юг... Стоп, а Настя? Настя двинула на Денвер. Зайти туда снизу карты, через Нью-Мексико? Черт, ну что теперь делать?

— ...отдельные форпосты и укрепленные пункты на территории штатов Канзас и Миссури. Там вы сможете связаться с властями и найти свое место в новом обществе...

То есть люди все же выжили. И в достаточном количестве для того, чтобы населить несколько штатов. Это немало, наверное.

— ...Избегайте приближаться к большим городам. Перечисляем пункты, которых следует избегать: Денвер, Альбукерке, Даллас, Форт-Уорт...

Даже так? А пояснить почему — для тех, кто не сильно в курсе? Диктор, а скорее всего просто запись шпарит для тех, кто тут давно. А для тех, кто как я? И что с Денвером не так? Тьма? Почему про Тьму не сказали? И если Настя туда направилась, то... вообще-то она опытная, уже всякого повидала в Отстойнике, она не вляпается. Не Тьма? А что тогда?

У меня ведь логика какая: откуда я сюда влетел, Тьма появлялась там, где гибло много людей. Большие города под это подходят здесь как нельзя лучше — уверен, что туда даже заглянуть страшно было бы после повального мора. Тут должно было погибнуть куда больше, чем в любой мировой войне. Как Тьме не быть! Или все не так просто? Нет, не так просто: в Отстойнике не было людей вообще, а здесь... самих людей не видел, а вот тел хватает, даже в этом захолустье. Не так просто, не так... И что делать? Прорываться все же к Денверу и искать знаки, оставленные Настей, или рваться к людям и искать ее там? Наверняка какая-то служба поиска должна быть налажена после такого бедствия.

Кстати, что это за синдром Дабл-Ар-Эс? Последствия болезни для тех, кто не умер? Наверняка.

— ...информация предназначена для «чужих», людей, оказавшихся в этом мире после катастрофы. Вы с высокой вероятностью заражены вирусом Суперкори, но мы способны оказать вам помощь, мы готовы спасти вас от неминуемой гибели. Двигайтесь в направлении территории, контролируемой правительством. Напоминаю, что эта территория расположена южнее границы...

Вот как?

Вот это сюрприз. Нет, действительно сюрприз, самый настоящий.

Эпидемия с зимой не закончилась? Я заражен? А почему бы и нет? Здесь может быть все вокруг заразно, наверное. А они это лечат? А что себя не вылечили? Или позже научились? И что мне теперь делать?

Так... дай-ка погляжу вот на что...

Поднялся в кабинет, подсвечивая фонариком, пошарил в столе, выудив *свое* водительское удостоверение. Посмотрел на фотографию. Вообще-то не такая уж большая разница. Нет, двенадцать лет заметны, но... предположим, я похудел и... отпустил все же бороду? Можно попробовать. Акцент... ну, блин, кто знает, когда я эмигрировал в Америку? Думаю, что уже никто. Вот и акцент, а так болтаю я на английском свободно, равно как и на испанском.

Так, то есть у меня есть документ, который подтверждает, что я не чужой, так? И даже подозреваю, что отпечатки пальцев совпадают, потому что я — *дубль*. Или *он* дубль.

Блин, я что, совсем параноик? Ну почему я никому не верю, а? С другой стороны, верил бы Милославскому, такому честному и доброжелательному, — лежал бы сейчас в генераторном сарае с пулей в затылке, пробив тому ворота назад, домой. Только паранойя эта моя меня и спасла вообще-то, так зачем от нее отказываться и с ней бороться? Вы страдаете паранойей? Нет, я ею наслаждаюсь.

В общем, надо идти к людям. Просто аккуратно. И осторожно. Но все же сначала поеду в сторону Денвера, хотя бы пригляжусь к туннелям. Может, там не так все и страшно, а может, даже удастся их пройти. В крайнем случае вернусь, я же не на своих двоих, верно? Снегоход, нарты — нормально все будет. В Нью-Мексико небось снега уже не будет — ну и хрен с ним, найду другой транспорт. Если карте верить, то примерно у Санта-Фе я смогу обогнуть Скалистые уже по равнине.

Стоп, а что я так за хайвэй зацепился? Есть же еще дорога, просто очень извилистая. А если она извилистая, то наверняка старая, и тоннелей на ней не будет. Через Сентрал-Сити, Блэк Хоук и на Голден. Они сейчас все одинаково засыпаны, зато будет надежда, что второстепенный путь не забит пробками, например. А ведь очень может быть, очень может быть. И кстати, тут всего сто десять миль примерно, это же за день доехать при нормальной скорости. Ну при моей — за два. Черт с ним, за три, с походом считаем.

А вообще похоже на план. Наконец-то. В любом случае пытаюсь пробиться на ту сторону гор.

Ладно, теперь надо правильно распорядиться тем добром, что я привез из оружейного.

Кобуру и под «беретту», и под короткий револьвер я подобрал. Не самые лучшие, наверное, но нормально. Жаль, к пистолету всего два магазина, но ничего, зато они по семнадцать патронов. Пистолет я разобрал, почистил, смазал, прикинув, в каких местах механизма выше всего трение. Потом попробовал пострелять, прямо из окна, воткнув доску с мишенью стоймя в снег во дворе. Удобно, а еще отдача на удивление маленькая. И бой вполне даже точный.

Потом притащил, пыхтя и ругаясь, верстак из гаража в гостиную: пусть все в одном

месте будет, где тепло от горящего камина, — а потом разложил по нему комплекты насадок и взялся листать руководства по снаряжению патронов, решив заодно, кроме винтовочных, снарядить боеприпасы к «беретте» самыми тяжелыми из тех пуль, что я притащил с собой. И самыми убойными.

К прессу я уже привык, так что работа шла быстро. Раз — капсуль вставился. Был бы там старый — заодно бы выдавило и его. Два — из колбы насыпало пороху. Три — пуля встала на место и обжалась, новенький патрон со стуком скатился в лоток. Прямо медитация, или даже как вязание.

Закончив с патронами, спилил ствол старенького «ремингтона» под самый магазин, надфилем заровнял края. Потом обрезал приклад под пистолетную рукоятку, пусть не самую удобную. Прошелся напильником, обмотал лентой для ремонта шлангов, чтобы глаже было и держалось лучше. Получился вполне короткий обрез. Теперь к нему ремень бы присобачить какой-нибудь из тех, что я привез, и можно будет брать вместо отмычки. Мой длинный моссберг для этого не очень удобен.

Потом, копаясь в привезенном из оружейного имуществе, нашел несколько планок Пикатинни длиной сантиметров по десять, наверное, с комплектами болтиков. Это к чему такие? Вспомнил цевье на «ремингтоне» — просто алюминиевая труба, с длинными продольными прорезями, для снижения веса и вентиляции. А если это как раз для него? Ну не для него именно, но для аналогичных конструкций...

Получилось логично, но никак не получалось широкие плоские гайки подвести внутрь цевья, к этим самым прорезям — палец туда не пролезает, а как все цевье снимается — без понятия. И в мануале об этом ни слова. Потом сообразил — нашел намагниченные плоские отвертки. Положил на самую длинную и широкую гайку, аккуратно сунул внутрь трубы — отлично, как доктор прописал. Шестигранником затянул болтики, получилось цевье с дополнительной планкой.

Покопавшись в коробочках, грудой сваленных в большой мусорный пакет, нашел несколько с маленькими и простенькими лазерными целеуказателями, как раз на такую планку. Какие-то «Эн-Си Стар», Китай, к слову. Небось развалится скоро, но тут их аж пять штук. Вытащил один такой, вставил батарейки, что шли в комплекте, потом с помощью шестигранника посадил на планку. Нажал кнопочку — на стене передо мной появилось красное яркое пятнышко. Посмотрел в прицел — чуть ниже и левее перекрестья. В общем, правильно, ровно встал. Надо бы подрегулировать, наверное, но это опять стрелять. Завтра.

Опять примерился к «ремингтону» — ну ваще. Теперь могу даже от пояса стрелять, если понадобится. Вполне «тактический» ствол получился. Нет, мне действительно нравится. Если прикинуть, то получилась смесь снайперки и боевого карабина, если с трехкратным «баррисом», с которой можно вести бой на дистанциях, для обычного автомата недоступных, например. И у чего в то же время нет недостатков нормальной снайперки, то есть размеров, веса, низкого темпа огня, недостаточно емкого магазина. Так прикинуть — я бы в армии что-то подобное драгуновке предпочел, пожалуй.

Провозился до ночи, попутно еще много раз прослушав все ту же передачу на средних волнах. Хорошо бы, если бы так все и было, как они там рассказывают. Кроме болезни. Но опять же, если я дубль, то у меня и иммунитет должен быть, нет? Тогда как Настя? Я об эту мысль как с разбегу о стенку. У *этой* Насти иммунитета не было. А она тоже дубль.

Ладно, моя Настя далеко не дура, поймет, что здесь к чему. Уверен. Не может быть по-другому, потому что... потому что не может. Все, и нечего тут.

На сборы в дорогу ушел весь следующий день. Надо и не забыть ничего нужного, и не перегрузить снегоход с нартами. Многое бросать жалко, многое пришлось искать. Аптека в Грэнби была разорена подчистую, мне там вчера только бинты удалось подобрать да несколько упаковок пластыря. И презервативы, тоже пусть будут. Какие-то болеутоляющие и жаропонижающие нашлись в доме. Были еще лекарства, но я понятия не имею, от чего они, поэтому и брать не стал. Все «лишние» стволы в чехлы, патроны в пакеты, в пакетах уже в сумки. Патронов получилось много, вес солидный, и не бросишь ничего.

Представилось, как бы я вооружался, случись оказаться на территории родной страны. Хреново было бы, наверное, если бы не к себе домой попал, — там все же есть чем разжиться. Но это понятно, нам нельзя, у нас «традиций нет», только американцам можно. Мы по жизни тупые, слюни пускаем и ложку мимо рта проносим.

С одеждой тоже долго возился, все прикидывал, как бы не прогадать. Запасся все больше бельем и носками, которых тоже набрал в супермаркете. Лишними не будут. А так выбрал три комплекта охотничьего камуфляжа и те костюмы для катания на снегоходах, что я забрал из магазина. Вроде не промокают и теплые. И менять можно будет, чтобы сохло. К тому же они упаковываются плотно, если скатать и связать.

В качестве главного оружия — «ремингтон». Кстати, уверен, что не все люди ушли жить под сень новой власти, туда, «южнее северной границы Нью-Мексико, Оклахомы» и так далее. А тот, кто остался жить сам по себе, может быть не очень хорошим человеком. Так что вероятность появления банд тоже надо бы учитывать.

В общем, так: за спину закину «ремингтон», вставлю десяти... то есть девятизарядный магазин с охотничьими патронами с тяжелой пулей. А большие магазины снаряжу «боевыми», то есть с легкими и быстрыми пулями, с такими проще будет вести бой. Вот так правильно будет. А за дополнительное оружие пусть пока револьвер будет — я про «беретту» такую ничего не знаю, вдруг она проблемная на холоде или от забивания снегом затыкается? Ее в чехол и в мешок, в запас.

Мой «отстойный» карабин тоже в чехол. Пусть он годами и старый, но по боевым качествам еще хоть куда, пригодится, тем более что патронов под него тоже прибавилось, пусть всего на сотню — больше в магазине гильз не было.

Еду всю взять не получится, прикидочно повезу десятидневный запас, буду пытаться пополнить по мере движения.

Так сидел перед сумками и что-то вроде пасьянса раскладывал, двигал, убирал, доставал, перекладывал, попутно список имущества составлял. Затем пошел в гараж и слил в канистры бензин из бака пикапа, который оказался заполненным почти под пробку. Слил просто, пробив в баках дыры снизу. Профильтровал бензин, дозаправил снегоход. Все, больше ничего здесь не сделаешь. И так многовато получилось — восемьдесят литров топлива, а это все вес.

Обошел дом, подумав, взял один из ноутбуков с зарядником, а заодно все документы моего дубля, какие нашел. Пусть будут. Там много всего, права, разрешение на скрытное ношение пистолета, даже синенькая карточка пилота одномоторного самолета с портретами братьев Райт на заднем фоне. Все вроде, больше уже ничего не придумаешь. И спать пошел.

С утра же вскочил затемно, по звонку. Из тех продуктов, что здесь остаются, сварганил

себе плотный завтрак, затем в термос кофе налил горячего, сварганив его в камине. Перелил в большую флягу полную бутылку «Хеннеси», на всякий случай, для сугреву, например. Еще раз огляделся, убедившись, что ничего не забыл, и пошел в гараж выгонять снегоход с нартами.

Пока грузился, почти рассвело, и я увидел цепочку следов во дворе. Не человеческих, зверь какой-то, крупный, похоже. Какой — по следам ни черта не понятно, вроде собачьих, но пальцы длиннее и когти впечатляющие. Следы вели со стороны леса. Такое ощущение, что зверь пришел ночью, постоял во дворе, глядя на меня через окно, а потом ушел. Знать бы еще, что это за зверь. Но когда все это представил — мороз по коже прошел. Я тут дрыхну за стеклом, а он оттуда смотрит... как-то нехорошо. И здоровые следы: если это даже собака, то размерами с сенбернара, наверное.

Ладно, кто бы там ни был, а пусть здесь остается. Пойдет следом — достану, у меня винтовка хорошая. Так, еще карту поближе, в пластиковом пакете, убедился только, что развернута на нужной странице. Все, можно ехать. И поехал.

Мелкий снег продолжал падать, но совсем несильно, даже мои вчерашние следы едва присыпал. Скоро совсем рассвело, и я выключил фары «полариса»: нечего самому о своем присутствии лишний раз докладывать. Примерно обнаружив дорогу, я повел машину по снежной целине на юг, медленно, аккуратно, не давая себе разгоняться: нет у меня ни запасного снегохода, ни запасного меня, ни сервиса где-то поблизости. Как-то перспектива сдохнуть в канаве со сломанной ногой возле сломанной машины привлекала очень мало. И даже Маресьева не изобразишь — некуда здесь ползти, только пулю себе в купол пустить останется. Поэтому решил, что десять миль в час — самая что ни на есть прекрасная скорость, просто замечательная, можно головой крутить, на достопримечательности смотреть, и все равно ничего не пропустишь. Особенно ямы, столбы и низко висящие провода, например.

Мой след привел на перекресток возле ситимаркета, перед которым все так же виднелся грузовик с трупами, на который я даже смотреть избегал. Но сегодня я свернул не направо, к городку, а налево, опять на целину. Дальше дорога определялась в основном по столбикам, торчащим из снега, окрестные поля были огорожены, а дорога поднималась вроде как горбом. Так и ориентировался. Ну и телефонные провода тянулись вдоль дороги на столбах, так что потеряться было трудно.

Снегопады здесь обильными не были — видать, просто снег не таял с самого начала зимы, а так он был достаточно плотным и слежавшимся. Что сам снегоход, что груженные нарты держались на поверхности легко, совершенно не проваливаясь. Дул резкий и неприятный боковой ветер, гнавший по полям поземку, но в общем все было, если можно так выразиться, в штатном режиме. Шлема я не надевал, но защитил лицо лыжной маской и лыжными же очками на резинке, так что ветер беспокоил мало.

Вскоре мне попался указатель «Грэнби Спортз Парк Эрпорт», куда я сразу же свернул, но вскоре убедился, что аэропорт существовал, похоже, только в проекте. Нашел кучи всякого стройматериала, накрытого пластиком, строительные вагончики и желтый бульдозер «Катерпиллер», замерший прямо с кучей глины у отвала. И надо было этот указатель ставить?

В полях, в стороне от дороги, время от времени виднелись фермы, но опять же никаких признаков жизни я там не наблюдал. Главным таким признаком был бы дым из трубы или следы на снегу, но ни того, ни другого так и не обнаруживалось. Виднелись машины,

засыпанные снегом, трактора, что-то еще, но никаких признаков жизни. Если люди и уцелели, то, наверное, ушли. Я бы ушел, скорее всего.

Мало-помалу дорога начала приближаться к горам, поля закончились. Обочины стали местами подниматься вверх, превращаясь в каменные осыпи, сжимавшие проезжую часть с обеих сторон. Ну и сама дорога становилась все более и более богатой на спуски и подъемы. Ни заторов, ни пробок, ни препятствий мне пока не встречалось, поэтому подмывало увеличить скорость, но я себя сдерживал. Нельзя. Нет у меня права даже на малейший ненужный риск: некому мне помочь, случись что-то нехорошее.

После часа, наверное, пути справа попался странный указатель: «Церковь вечных холмов», — а метрах в двухстах от дороги виднелось немалых размеров здание, которое этой церковью и было. Привлекло меня название, больно уж причудливое, я даже остановился, разглядывая эту самую церковь. А затем увидел какое-то животное, двигавшееся в лесу, к которому церковь прижималась. Какое-то непривычное животное.

Схватившись за ремень винтовки, вытащил «ремингтон» из-за спины, откинул крышки объектива, выкрутив мощность на максимум. Но опоздал: зверь, или что там еще было, скрылся за зданием. Я подождал пару минут, надеясь, что *это* появится вновь, но оно не появилось. А терять время на рассматривание следов не хотелось. Почему-то я подумал, что нечто подобное и рассматривало меня ночью через окно.

В местечке Табернаш, фактически скоплении «бизнесов» у дороги и кучке домов, в которых владельцы этих самых «бизнесов» проживали, я увидел следы снегохода. Они пересекали шоссе и вели куда-то в поле. Остановившись, я несколько минут поразмышлял над тем, не поехать ли следом, но потом передумал. Не хочу терять время, а благодаря радио я уже и так в курсе, что я на этой земле не одинок. В общем, ничего удивительного в наличии следов нет, кто-то предпочел жить здесь, к добру или нет — его личное дело.

Местечко закончилось немалого размера лесопилкой, и я подумал, что дровами неизвестный точно надолго обеспечен, равно как и досками: целые штабеля их были выложены во дворе.

Прошло еще с полчаса. Снег неожиданно начал прекращаться, а на горизонте тучи стали расходиться, открывая голубое, словно нарисованное, небо и яркое солнце. Примерно к этому времени я въехал во Фрэйзер, городишко, представлявший полную противоположность захолустному Грэнби. Горы начинались прямо за Фрэйзером, засыпанные снегом, гладкие, словно даже не настоящие склоны, и городок до Эпидемии явно процветал, снимая пенки с любви публики к горным лыжам. Первое же здание возле дороги оказалось лыжным прокатом, а следующее предлагало напрокат плоты для сплава по горным рекам.

Потом мелькнула вывеска спа-отеля «Медвежий танец», затем немалых размеров двухэтажное здание отеля «Серебряный лист» и прижавшаяся к нему сбоку кофейня «Старбакс», вывеска которой заставила меня с тоской вспомнить капучино с пышной пеной в большой широкой кружке. А неплохо бы сейчас, с холоду-то, хотя я, если честно, еще совсем не замерз. Последним зданием в городке было отделение банка, сторевшее дотла. И опять никаких следов человека. Хотя сам городок находился слева от дороги, чуть поодаль, и я вполне мог таких следов просто не заметить.

Впрочем, вскоре я обнаружил, что ошибся: пределы Фрэйзера еще не закончились, и он опять приблизился к дороге в виде некоего «Зимнего парка», предлагая рестораны, магазины, прокаты, отели и даже центр йоги «Горная луна». В общем, все как у больших. А еще минут через пятнадцать все такой же неторопливой езды я вкатился в пределы resorts

«Винтер парк», который уже никаких сомнений не вызывал: это для туристов, все больше под таймшеры. Блоки таунхаусов и апартаментов, сплошная реклама с предложениями о невозможно выгодных ценах, тут же подъемники, еще недавно поднимавшие лыжников на горы, а теперь замершие, и трассы, трассы, трассы на склонах. Любителям этого дела тут и вправду было неплохо. А вообще от Грэнби недалеко, на том «форде», что стоял в гараже, сгонять сюда с лыжами и прочим для *меня* занимало, наверное, полчаса времени. Неплохо тут жилось, по всему судя. И до Денвера, если по основному хайвэю, на машине тоже около часа было, пожалуй, всего ни фига.

Между тем хмарь развеялась окончательно, вышло солнце, заставившее не раз порадоваться тому, что я прихватил с собой еще и поляризованные очки из *своих* запасов. Снег сверкал так, что без них, наверное, я бы и глаз не смог открыть.

Дальше дорога все время шла вверх, достаточно полого, но вихлясто, проложена она была по распадкам и прилежно повторяла их очертания. Я ехал то на юг, то вновь на север, то опять на юг, разглядывая одни и те же вершины с разных точек, но мало сдвигаясь при этом по карте в нужном мне направлении. Исчезло любое жилье, разве что время от времени попадались указатели на «кэмпграунды» — места, где разрешалось разбить палатку, например, или поставить трейлер. Но ни того, ни другого мне не требовалось.

Потом я увидел поворот на Хендерсон-Майн Хелипорт — вертолетодром, проще говоря, и не удержался опять, свернул туда, подсознательно ожидая найти там следы Насти. Она ведь не только самолеты водить умеет. Но не нашел ничего, кроме нового белого здания и стоянки с засыпанными снегом машинами. Вертолетов не было ни одного.

Вернулся к дороге и в полукилометре после поворота наткнулся на что-то вроде маленькой деревеньки, всего домов на семь-восемь. Домишки были или модульные, причем не из новых, или бревенчатые, из совсем небольших. Старенькие машины под снегом, заправка — ветхий домик с двумя колонками перед ним.

— Тут привал и устрою, — сказал я себе, глянув на часы.

Больше четырех часов пути позади, причем в основном в положении «сидя неподвижно», что на холоде как бы не слишком хорошо — можно отморозить себе что-то очень важное и даже этого не заметить. Хоть я себе туда, к важному, натолкал смятой бумаги в три слоя, чему в свое время меня научил отец — большой любитель покататься на лыжах по лесу, но все же лучше быть осторожным. Поэтому я свернул с дороги, оглядываясь в поиске каких-нибудь следов, и подкатил к совсем небольшому, но вполне добротному домику с печной трубой и поленницей дров за ним. Собственно говоря, именно на это я и навелся: как раз требуемое сочетание для привала.

Дальше действовал уже стандартно: заглядывал в окна, стучал в дверь. Никто не отозвался. Дробовиком пользоваться не пришлось, хватило и гвоздодера. Дверь с хрустом подалась, на меня потянуло запахом тления. Можно было дальше и не заходить, и так все понятно, но не удержался, решил глянуть.

В доме была всего одна спальня, в которой на кровати я увидел два трупа, мужчину и женщину, лежавших обнявшись. Не знаю, от болезни они умерли или как-то по-другому, но умерли давно. Опять же мороз меня спас от куда более ярких впечатлений.

Подняв с пола покрывало, я зачем-то накрыл их обоих с головой, после чего вышел из дома, закрыв, как сумел, за собой дверь.

Во втором доме обошлось без трупов. Судя по открытым дверцам шкафов и вываленным на пол вещам, отсюда уехали, собравшись в спешке. Машины на участке тоже не было. Зато в

углу стояла черная металлическая печка с дверцей из огнеупорного стекла, возле которой в корзине лежали сухие дрова, которых даже разжигать толком не потребовалось — они от скомканных страниц из старого журнала занялись как порох, и вскоре тепло пошло по дому.

Ну все, час отдыха и обогрева. Заодно перекусить можно. Поставил я снегоход с санями так, чтобы хорошо из окна было видно, «ремингтон» пока отставил к самой двери, где еще не прогрелся воздух, чтобы не отпотевал, а то скоро опять в холод. Это все же не калаш и не СВД.

Печка, к сожалению, была под готовку не приспособлена, только под обогрев. Но поставленная на нее консервная банка все же стала теплее. Ничего, подожду минут двадцать и уже горячего поем, оно сейчас куда как полезно. Пока же позволил себе глоток коньяку, приятным теплом разбежавшийся по телу. Ну, нормально, жить можно. И надо отдать должное этому охотничьему камуфляжу — тепло держит очень хорошо, и при этом не вспотел под ним. Технологии, что тут еще скажешь.

Сел на кухне, разложил карту. А ничего так, примерно шестьдесят километров позади. Треть пути. Можно, наверное, будет напрячься и даже весь путь за сегодня проделать, но не хочу по темноте ехать. Даже в сумерки не хочу — и привычка бояться Тьмы осталась, и просто опасаясь не увидеть препятствия или другой опасности. Так что к сумеркам надо будет найти убежище, и тоже желательно с печкой. Но пока двигался хорошо, по графику.

Кстати, что за звук?

Прислушался — с улицы вроде как скрип снега под ногами слышен. Метнулся к винтовке, схватил, сняв с предохранителя, осторожно выглянул в окно.

Медведь. Небольшой, почти черный, тощий, крутится возле нарт, что-то вынюхивая. Тьфу, блин, а я напугался. С другой стороны, сейчас распотрошит мои тюки, и... возись потом.

Намеренно громко распахнул дверь, высунувшись с «ремом» у плеча, рявкнул на зверя ругательно. Тот вроде бы дернулся бежать, но остановился, глядя на меня.

— Страх потерял? — спросил я грозно, попутно соображая, что дальше делать. Стрелять зверя не хотелось: он мне не угрожал и на меня не охотился, но и давать ему тут хозяйничать тоже не в кайф совершенно — мало ли что он сдуру натворит. Хотя бы тюк на нартах распатронит — оно мне надо?

Медведь засопел, замотав башкой из сторону в сторону, и я решил перейти к мерам принуждения, дважды выстрелив в снег у него перед мордой. Сработало: он отскочил назад, развернулся и довольно резво понесся в сторону леса. А вот пришел он, подозреваю, на запах мертвечины. Я его не чую, но у медведя нос поглавнее будет. А ведь тоже, наверное, трупоед, как и те собаки. Надо было пристрелить, вообще.

Проехав еще с десяток километров, я увидел возле дороги небольшой трейлерный парк. И над одним из трейлеров вился дымок, а за воротами на снегу была вытоптана тропинка. Не просто вытоптана, а протоптана частыми хождениями. Но едва я остановился у ворот, из-за дальнего прицепа выбежал растрепанный мужик с дробовиком, что-то заорал истерично и неразборчиво, после чего направил ружье на меня. В переговоры я решил не вступать, поэтому просто махнул ему рукой и дал по газам, исчезнув из проема ворот.

Он все же выстрелил, дробь взбила облако снега на дороге. Я прибавил газу, постоянно глядя в зеркало, чтобы не упустить момента, когда тот выскочит из ворот, но мужик выскакивать не стал.

— Псих, — заключил я, обдумав происшествие.

В общем, немудрено было свихнуться. Я вон себе пулю в голову пустил, кто знает, что у этого мужика случилось? Но люди здесь все же есть — то следы увидел, теперь вот он. Потом опять заметил следы, и опять снегохода: сначала на самой дороге, а затем они свернули на боковую, поднимающуюся к большому деревянному зданию, похожему на гостиничку. Проверять не поехал — и так все ясно. Тут по большому счету всего одна дорога, и если кто живой остался, он будет жить возле нее, как мне кажется.

Потом был пустынный городок Эмпайр, по которому, впрочем, тоже кто-то катался на снегоходе. Городок выглядел так, словно здесь время остановилось во времена «Золотой лихорадки». Впрочем, если я что-то еще помню из книг, в Колорадо она была вроде больше «серебряная». На главной улице поразила вывеска «Хард-рок кафе» — простенький местный бар никак не походил на одну из бесчисленных разбросанных по всему миру точек музыкального фастфуда. Разъяснение пришло из таблички на дверях, которую я не поленился прочитать, остановившись: в данном случае слова «hard rock» подразумевали скалу, а не музыкальный стиль, а первыми посетителями этого кафе, открытого аж в 1936 году, были шахтеры, эти самые скалы и долбившие.

Потом следы снегохода свернули в сторону, затерявшись в местных улочках, а я поехал дальше. В городке Дюмон, который был еще меньше, чем Эмпайр, моя дорога прижалась к приблизившемуся хайвэю, а затем у почтового офиса свернула резко направо, в лес, став уже и хуже. Я даже сперва усомнился насчет того, туда ли я свернул, но потом сверился с картой и убедился, что по-другому тут никак не выйдет. Может, это даже и грунтовка, под снегом не разглядишь. И если бы не лес с двух сторон, саму дорогу потерять было бы проще простого: никаких дополнительных примет. Проехав по ней не больше пары километров, я решил все же не извращаться и вернулся обратно, выехав на хайвэй. Проскочу по нему до Айдахо Спрингс, а вот уже потом сверну в сторону, потому что как раз за этим городком и будет первый туннель. А он мне не нужен.

Снег с шоссе местами сдуло, приходилось объезжать серые пятна асфальта, прижимаясь к ограждению. Если это, так сказать, тенденция, то скоро надо будет задуматься о поиске нового транспорта. А пока я озаботился поисками съезда с главной дороги на параллельную, снежную, которая шла метрах в пятидесяти справа. Но съездов не было.

В конце концов помог случай — когда-то давно, до всяких снегопадов, огромный груженный восемнадцатиколесник проломил ограждение дороги и скатился в кювет, перевернувшись вверх колесами, и теперь так и лежал, напоминая некое убитое чудовище. И

через этот пролом мне удалось свернуть на пологий спуск, а потом оказаться на нижней дороге, по-прежнему засыпанной снегом, так что стало полегче.

Так я приблизился к Айдахо Спрингс. Хайвэй слева от меня вдруг резко заполнился машинами, почти что упирающимися бамперами друг в друга.

— Туннель, — сказал я, глядя на вытянувшуюся пробку. — Или в нем что-то случилось, или его перекрыли. Или... ладно, Тьму пока оставим в покое.

Пробка была не только на хайвэе. Люди, застрявшие там, снимали ограждения, пытались съезжать на другие дороги, пробка расползлась, похоже, на весь городок. Было много сгоревших машин и сгоревших домов. Мне пришлось пробираться на «поларисе» сначала по обочине, а потом местами по целине и вроде как пешеходной тропе.

А еще было много трупов. Трупов в машинах, трупов возле машин. Трупы лежали возле дороги, присыпанные снегом. Людям было некуда деваться — наверняка было множество тяжелых больных, уже умиравших. И здесь они умирали где попало.

Почти все трупы были изгрызены хищниками и исклеваны птицами. В одном месте увидел свору из пары десятков собак, пытающихся грызть замерзшую человечину на шоссе. Дорога вела меня неумолимо в ту сторону, так что пришлось стрелять, уложив трех собак до того, как вся свора бросилась наутек.

Потом случилось странное — из лесу выскочила огромная собака и крупной рысью понеслась по следам снегохода. Я словно почувствовал ее, а потом заметил в зеркале и сразу дал по тормозам — уйти здесь от нее, объезжая препятствия, было бы невозможно, я еле полз, а подпускать близко тоже не хотелось. Поэтому я просто соскочил со снегохода, обежал его, на ходу снимая винтовку, уложил ее на руль как на опору, поймал приближающуюся собаку в прицел.

Тварь приблизилась, и я вспомнил о «гончих» Тьмы, тех самых, от которых пришлось и убегать, и отбиваться там, в Отстойнике. Но это не было сгустком той самой Тьмы, как там, это было... животное, наверное. Или монстр, что вероятней, потому что таких животных я не знаю. Но бежало оно точно так же, неестественно мощными длинными скачками, неотвратно как судьба.

Я открыл огонь, когда до твари оставалось метров сто, наверное. Я не промахнулся ни разу, винтовка часто и точно выплевывала пули, и каждая из них попадала в цель, выбивая... нет, не красные, а все же черные облака. Только после пятого попадания тварь словно провалилась на переднюю ногу, покатила по снегу и забила в судорогах, а я, не сдержавшись, выстрелил еще дважды, норовя попасть в голову, и после этого она замерла окончательно.

С лязгом встал в приемник полный магазин, а я огляделся по сторонам в поисках другой опасности, но все было тихо.

— Посмотреть надо, — сказал я, стараясь скорее убедить самого себя, потому что внутренний голос активно предлагал плюнуть на все, дать по газам и смыться отсюда как можно быстрее.

Сначала хотел пойти пешком, но потом побоялся далеко отходить от снегохода. Развернулся кое-как и проехал те самые полсотни метров, которые отделяли меня от лежащей на снегу черной туши.

— Ну ты гля...

Если это представитель фауны штата Колорадо, то я — внебрачный сын принца Уэльского и еще какого-нибудь принца. Тварь была лишена шерсти и покрыта, как мне

кажется, мелкой чешуей. Что изначально неправильно, потому что такое животное здесь бы замерзло к чертовой матери, а не гонялось за мной. Еще у твари были совершенно черные глаза, такие, какие я видел у одержимых все той же Тьмой, без зрачков, без радужки и белков, просто как полированные камни. Тварь довольно отдаленно напоминала собаку, но именно что отдаленно. Длинная, какая-то квадратная морда с жуткой пастью и невероятным набором зубов, странно длинные толстые пальцы на конечностях, глядя на которые я сразу вспомнил следы на снегу, что обнаружил сегодня с утра. Это вот такое меня ночью разглядывало? Ой-е...

Все же Тьма? Нет, как-то пока не похоже. Хотя бы потому, что здесь слышно радио, а в Отстойнике это было почти невозможно. И то, что передо мной, все же телесно, а убитые твари Тьмы сразу же начинали испаряться и вскоре просто исчезали. А здесь только кровь на снегу. Но вот кровь черная, как... как жидкий гудрон, наверное. И, кажется, даже не отблескивает на свету, а так вообще не бывает.

Ладно, я знаю уже достаточно для того, чтобы сочинять теории. То, что этот мир сдвинулся или начал расслаиваться, — понятно. Думаю, что расслаивается любой мир, в котором случилась такая большая Беда. И он соприкоснулся с каким-то другим слоем, например. Откуда сюда попадают такие твари. Годится? Как теория — вполне.

Ладно, посмотрелся, надо валить отсюда.

Проехать дальше не удалось. Я рассчитывал уйти на север, в сторону Централ-Сити и Блэк Хоук, но я даже приблизиться не смог к развилке, на которой это можно было сделать. Пришлось развернуться, вновь проехать мимо убитой черной твари и свернуть на Чикаго Крик Роуд, оказавшуюся вполне свободной. Похоже, что здесь стояли военные, никуда не выпускавшие людей от шоссе, а потом они место покинули, оставив только рогатки и неизменные мешки с землей. В общем-то только из-за них дорога свободна и осталась. И по ней я смогу, если все будет нормально, добраться до озера и городка Эвергрин, а уже оттуда такими же боковыми дорогами выехать на Денвер.

Эта дорога отсутствием снега не страдала, здесь его было много, а иногда так много, что я боялся соскользнуть с надутых сугробов вбок, просто слетев с дороги в пропасть. Но «поларис» держал путь твердо, следуя всем поворотам этого по-настоящему горного серпантина, зажатого поросшими лесом склонами. Исчезли все признаки человеческого жилья, один раз попала машина с двумя трупами внутри, расстрелянная как минимум из пулемета, столько в ней было дыр. Затем мне показалось, что двигатель снегохода тянет все слабее и слабее. Сперва испугался было, но потом сообразил, что это все из-за высоты: воздух становится разреженным. А дорога все карабкалась и карабкалась вверх, пока не добралась до какого-то плато, после чего потянулась ровно, как по равнине. Там я нашел подтверждение своим мыслям: большой черный указатель, сообщавший, что я еду по самой высокогорной дороге в США и сейчас нахожусь на высоте 4346,5 метра, или 14260 футов, над уровнем моря. Теперь точно понятно, что с двигателем не так.

Затем я увидел указатель «Эхо Лэйк Парк», затем само «лэйк», то есть озеро, и, уже проехав его, увидел еще один указатель — «Эхо Лэйк Ланж», то есть гостиницу. А это как минимум крыша над головой, а я уже созрел для следующего привала. Да и над картой надо бы посидеть.

Гостиница оказалась довольно старым деревянным зданием, крашенным в «суриковый» цвет. Окна нижнего этажа были закрыты ставнями. Подозреваю, что работала она сезонно, и так ее «консервировали» на зиму. Или на время, например, пандемии. Озеро, лес, стоянка,

но самое главное не это: прямо у подъезда стоял снегоход, накрытый сейчас брезентом. И вокруг крыльца были натоптаны тропки. А из трубы, прижавшейся к дальней стене гостиницы, понемногу валил дымок.

— Тук-тук, кто в теремочке живет? — спросил я, подъезжая к крыльцу и положив ладонь на рукоятку револьвера.

Дверь передо мной распахнулась, в проеме показалась женщина с дробовиком наперевес.

— Ты кто? — спросила она, не утруждая себя приветствиями.

— Еду из Айдахо Спрингс в Эвергрин, хотел снять комнату на ночь. Это же отель, я не ошибся?

— Отель открыт с апреля по октябрь, а сегодня Рождество, — усмехнулась она.

Лет тридцать, не красавица, крепкая, скуластое лицо, тонкие губы, маленькие глаза, волосы убраны в хвост. На скулах и лбу мелкие красноватые пятна, почти незаметные. Суперкорь? Но больной она не выглядит, совсем, держится уверенно.

— Я не знал, — широко улыбнулся я в ответ. — И насчет Рождества... это серьезно?

Задрав рукав куртки, я глянул на часы. Ну да, двадцать пятое декабря, тут день рождественского обеда должен быть.

— Не следил за календарем? — опять усмехнулась она. — Если обещаешь не напиваться и вести себя хорошо — заходи. Зато праздник получится, — и с этими словами она скрылась за дверью.

— Праздник так праздник, — пробормотал я по-русски и начал собирать вещи.

Не похоже, что отель переполнен, найдется место для ночлега, я думаю.

Ввалившись со всеми сумками и чехлами в холл, даже немного удивился — симпатично здесь было. Бревенчатые стены, высокий купол потолка, огромный камин, пустой бар с десятком столиков. Немаленький сувенирный магазин, торгующий всем — от брелочков до свитеров с эмблемами. Елка искусственная, наряжена по-праздничному, разве что лампочек нет. Поискал глазами женщину и увидел ее в дальнем углу бара, у камина. Понятно, что за труба дымилась.

Одно окно в баре, кстати, свет пропускало, ставни были открыты, иначе бы я ничего и не разглядел здесь, пришлось бы с фонариком гулять.

— Можешь бросить все там, где стоишь, в отеле все равно никого нет, — сказала она, обернувшись. — Или занеси сюда. Или поднимись на второй этаж и забрось в любой номер, кроме первого: в первом живу я. Только ключи сначала возьми.

— Пока здесь брошу, — сказал я, затаскивая сумки в бар. — Вот здесь, у стенки полежат.

— Садись, — поднялась она от камина и показала на стулья, выстроившиеся вдоль стойки. — Чего тебе налить? — спросила она затем, зайдя с противоположной стороны.

— Отель закрыт, но бар работает? — уточнил я, стягивая куртку.

— Бар тоже закрыт, так что все за счет заведения, — усмехнулась она и повторила вопрос: — Что-то выпьешь?

— Мм... — задумался я, прикидывая, чего бы лучше с холоду принять, потом спросил: — Водка есть?

— Есть. Но за льдом тебе придется идти на улицу.

— Я русский, для нас водка со льдом — оскорбление, — засмеялся я.

— Мне лед все равно нужен, так что иди, — сказала она. — Там, на перилах, стоят

лотки, прихвати один.

Я высунулся из гостиницы — и правда, прямо на перилах крыльца стояли пластиковые лотки со льдом, из тех, что обычно в морозилках лежат. Взяв один, вернулся с ним в бар.

— Спасибо, — кивнула женщина. — Так тебе водку безо льда?

— Давай лучше виски со льдом, — поменял я предпочтения.

Вообще-то виски не очень люблю, как и водку, но сейчас согреться хочется. А тут, как посмотрю, полный набор всего, что было в баре, имеется. Она не удивилась, опять кивнула, выбила лед из лотка на полотенце, потом, бросив несколько кубиков в стакан, налила туда «Дикой индейки». Потом взяла бутылку красного калифорнийского вина и налила себе бокал.

— Счастливого Рождества, — сказала она. — Я — Лора Джин. Предпочитаю, чтобы меня так и звали, а не Лорой и не Лори. И Джинни тоже не годится. Работала здесь раньше менеджером, теперь просто живу.

— Влад, — на англоязычный манер сократил я свое имя. — Жил возле Грэнби, теперь еду в сторону Денвера.

— Почему в Денвер?

— В ту сторону поехала моя жена, мы... разминулись.

— И она проехала? — В вопросе явно послышалось удивление. — Давно это было?

— Примерно после того, как все это, — я не стал уточнять, но она меня поняла, — в основном закончилось. И да, она полетела, на самолете.

— На самолете? — еще больше удивилась она. — Ну да, на самолете можно было прорваться, пожалуй. Ну а дальше что, где ты собираешься искать ее в Денвере?

— Там попробую сориентироваться. Думаю, что потом она полетела южнее.

Я не стал уточнять, куда именно южнее, но Лора Джин сама развила мысль:

— К этим, в Анклавы? Ну да, наверное, можно и туда. У нее иммунитет?

— Да, как и у меня, — не стал я, естественно, вдаваться в подробности.

— Ну ты, парень... — она аж задохнулась, — тебе, мать твою, здорово повезло, а? Давай, за иммунитет, — подняла она бокал, чокнувшись с моим стаканом. — У обоих иммунитет, ты, мать твою, гребаный избранный. Ладно, отдыхай, я накрываю стол.

— Стол? — поразился я.

— Если я живу здесь одна, то это не значит, что Рождество не будет отмечаться. Я подстрелила вчера большерогого, — она кивнула на стоявшую в углу винтовку с оптическим прицелом, — как раз порезала на стейки. Два хороших больших стейка осилишь?

— С гарантией. Спасибо.

— Без проблем, парень, — сказала она. — Можешь пока заселяться, ключи на стене за стойкой ресепшена.

— Спасибо, — повторил я. — Допью и сразу займусь.

Допил быстро — с морозу вискарь лился как под гору. Вспомнил, правда, что в высокогорье напиваться не рекомендуется, похмелье замучает, но потом плюнул на все резоны. Собрал свое имущество, выбрал ключ с тройкой на брелоке и потащился наверх. Комната номер три оказалась прямо напротив первой. В комнате, естественно, оказалось не жарко, но все же температура неминуемая. Похоже, гостиница как-то отапливалась от каминов. А вот воды в кранах не было. Странно, здесь водопровода быть не может, откуда ему тут взяться, так что скважина, наверное? Или из озера? Да, наверное, насос из озера качает и где-то фильтрует.

Переоделся в *свое*, прихваченное из *дому* — брюки из плотной ткани со множеством карманов производства некоей компании «Блэкхоук!» — даже вот так, с восклицательным знаком: свитер, на диво удобные ботинки вроде кроссовок, похоже что для туризма, в мое время таких еще не было. Потом, подумав, надел кобуру, которая прям под пояс, в штаны, сунул в нее маленький «таурус». Посмотрелся в зеркало — так и не видно, что вооружен.

Когда спустился вниз, из кухни тянуло жарящимся мясом, а Лора Джин где-то там громыхала сковородками. Судя по всему, она услышала, что я вернулся, потому что крикнула:

— Десять минут!

Зайдя за стойку, я нашел бутылку, из которой она мне наливала, и плеснул еще немного виски в стакан, на так до конца и не растаявший лед — жарко здесь не было.

Десяти минут хозяйке не понадобилось, она появилась примерно через пять, сноровисто застелила один из столов, тот, что у не закрытого щитом окна, расставила приборы, потом опять исчезла в кухне и появилась с двумя огромными тарелками.

— Садись. Картошка последняя, наверное, все, что удастся найти, уже или испорчено, или проросло, — пояснила она, подразумевая горки золотистых «френч фриз». — Овощей нет вообще, так что лей больше кетчупа.

Сначала я не понял, что она имела в виду, но потом увидел, что она разместила свой стейк между половинками круглой булки, вбросила туда два ломтика сыру, полила все кетчупом и превратила прекрасное мясо в банальный чизбургер. К счастью, столовых приборов она не проигнорировала, так что мне никто не мешал резать мясо по кусочку и есть как человек.

Горная баранина, или как ее правильно назвать, оказалась слегка жестковатой, но вкусной, и прожарена была хорошо. Лора Джин немного удивленно посмотрела на то, как я ем, потом спросила:

— Ты в стране недавно?

— А что, так заметно? — усмехнулся я.

— Ну... да, наверное. Плюс акцент. Откуда ты?

— Украина, — сказал я, решив на всякий случай не произносить слова «Россия»: вдруг тут пандемия какие-нибудь неправильные рефлексy всколыхнула.

— Это в Европе? — уточнила она на всякий случай.

— Ну вроде как, — ответил я, ожидая продолжения расспросов, но она начисто потеряла интерес к географической теме. — Как ты здесь одна очутилась?

— Не знаю, — пожалала она плечами. — Сначала собиралась умереть, потом вдруг выжила, но заработала Дабл-Ар-Эс, — она зачем-то повернулась ко мне в профиль, но потом вновь взялась за еду. — Решила, что пока лучше жить здесь. Тихо жить — ты первый человек, который заглянул сюда с самого начала. Есть «след», — она ткнула пальцем в сторону укрытого брезентом снегохода на улице, — на нем езжу... по делам, не знаю как правильно сказать. Ищу еду и всякое.

— И как с едой?

— Мне здесь одной года на три, наверное, хватит. Пока поживу, дальше будет видно.

— А к людям идти не хочешь?

— С Дабл-Ар-Эс? — вроде как немного удивилась она.

— Они говорят, что это лечится, — вспомнил я передачу.

— Да всякое слышала я про этот Анклав, — сказала Лора Джин с заметным сомнением. — Налей мне вина, пожалуйста. И себе чего хочешь.

Ее бокал стоял пустой, и я мысленно укорил себя за отсутствие манер. Подумав, решил с виски завязать и прихватил винный бокал еще и для себя. Вино оказалось довольно молодым и вполне вкусным. Предварительно выпитый алкоголь уже подействовал, в баре вроде как было совсем не холодно. Да и от камина заметно тянуло теплом. Может, тут спать пристроиться?

— Хорошее вино, — похвалил я, покрутив его в бокале.

— Да, мне нравится. Вина много везде, хватит надолго. Здесь на весь округ и десятка человек не найдется, так что нет конкуренции среди лутеров^[1].

— То есть люди вокруг еще есть? Я пару раз видел следы, да какой-то псих ни с того ни с сего стрелял в меня из дробовика, хорошо что не попал.

— Есть, — кивнула она, прожевав очередной кусок своего чизбургера. — Живут в основном как я, где-нибудь на отшибе. Такие же, — она постучала пальцем себе по лбу.

Я не совсем понял, что она имеет в виду, но уточнять не стал: не хотелось показаться совсем марсианином. Похоже, что говорила она о чем-то для всех очевидном. Для всех, кроме меня.

— Как тебе большерогий? — спросила она.

— Волшебно, — не покривил я душой. — Здесь охотилась?

— На другой стороне озера. Людей не осталось, с охотой все лучше и лучше. Можно прожить.

— Одной?

— Лучше одной, чем вцепиться друг другу в глотки в один день, — пожалала она плечами. — Сейчас для меня это не самое важное. Я серьезно говорю, — добавила она, с чего-то решив, что я ей не поверил.

— Я верю. Но одному жить все же опасно, я вот о чем. Упасть и что-то сломать, свалиться с приступом аппендицита...

— Аппендикс мне уже удалили, так что боюсь только зубной боли, — перебила она.

— От зубной боли тоже можно рехнуться подчас.

— У меня и без нее достаточно поводов, — как-то не слишком понятно ответила она. — В любом случае можно доехать до Сентрал-Сити, там вроде бы есть доктор.

— В Сентрал-Сити живут? — удивился я.

— Ты не знал?

— Откуда? Я в эту сторону вообще не заезжал, — выдвинул я причину своего незнания реалий.

— А... понятно. Там почти человек сто, все с Дабл-Ар-Эс, вроде как банда. Своих они не трогают, если... ну сам понимаешь, — сделала она небольшую паузу, глядя мне в глаза, из-за чего я вынужден был скроить гримасу некоего понимания. — А вот тебе бы туда лучше не попадать. А таких, как я, даже зовут.

— Почему не едешь?

— Ну а самому подумать? — иронично посмотрела она на меня. — Представь сотню таких, как я, что у них за жизнь там?

Я попытался представить сотню «таких» и не смог, потому как до сих пор не понял, о чем идет речь. Появилась идея даже признаться начистоту, сказать, что я один из чужих, или как нас там по радио называли, но потом решил не гнать коней. Может быть, тут чужих только правительство Анклавов и любит? Может, мы тут за разносчиков заразы или что-то еще? А почему бы и нет, к слову? Кто-то провалился с обычной корью из своего слоя, а для

этого слоя она обернулась Суперкорью. Как вариант.

Хотя нет, не складывается так: для того, чтобы начали проваливаться из других слоев, надо сперва, чтобы здесь какая-то катастрофа случилась... наверное.

Разговор клеился, появилось и вправду ощущение какого-то праздника, того самого Рождества. Я даже елку со всеми игрушками перетащил в бар. Допив бутылку вина, открыли еще одну. Я даже подумал, что есть риск завтра с утра не выехать, похмелье и долгий утренний сон становятся вполне вероятными, но смирился: как-то за болтовней с Лорой Джин, к тому же явно не претендовавшей на меня, вроде как душа понемногу расслаблялась. Все же первый живой контакт с человеком в этом мире. С живым человеком.

— Меня папаша один растил, — рассказывала она. — Мать свалила с каким-то идиотом из Форт-Коллинза, мне тогда года три было. В общем, уже в четыре он таскал меня на охоту, сперва на сурков, потом уже и на антилоп. В семнадцать выскочила замуж за точную копию папаша. Тэд торговал запчастями для грузовиков, а все остальное время пропадал на охоте или рыбалке. Если мне надо было переспать с мужем, то лучше было делать это в палатке: дома он бывал реже. Ребенка мы заделали в этой самой палатке, даже помню, что в этот день муж наловил форели. В общем, когда я поняла, что осталась совсем одна, то осознала две вещи: я не смогу и часу больше провести в своем доме. Просто не могу, понимаешь?

— Понимаю.

— Нет, если ты не наврал про то, что у твоей жены иммунитет, то ты не понимаешь, — вздохнула она. — Дети были?

— Нет.

— Нет, ты точно не понимаешь. Не сможешь понять. — Она придвинула ко мне свой бокал, сказав: — Налей еще. Нет, не сможешь. И да... к чему это я...

— О двух вещах, которые ты осознала, — напомнил я.

— Да... не смогу ни часу быть в своем доме. И смогу прожить одна. Хочу жить одна. Надолго, не надолго — я не знаю, но я не хочу видеть людей вокруг. Сейчас не хочу.

— А я?

— Ты? Ты все равно уедешь. И сегодня действительно Рождество, нельзя быть сукой, выставляя незнакомого человека из места, которое мне все равно не принадлежит. Как-то так. Кстати, ты бы уехал?

— Не знаю, — немного озадачился я. — Уехал бы, скорее всего. У тебя ружье было, что мне, стрелять? Не вижу повода. А как еще попасть внутрь, если бы не пустила?

— Да, наверное, — кивнула она, отпив вина. — Черт, я напилась совсем, в первый раз с тех пор, как... — Лора Джин не закончила. — Но мне нравится. Ладно, десерт! Я сейчас.

— Тебе помочь?

— Не надо, ты в гостях. Пусть отель не мой, но уже мой, я здесь главная. Сиди, в общем.

Она поднялась и пошла на кухню, прихватив керосиновую лампу, стоящую на полу возле стола. А я почувствовал, что засиделся, и пока она готовит десерт, каким бы он ни был, решил немного размяться, походив по залу. Зажег еще одну лампу, поставив ее на полку ближе к выходу, потом пару раз прогнулся назад и наклонился, стараясь достать пальцами носки ботинок — даже спина немного затекла от долгого сидения. Сколько мы уже за столом? Я глянул на часы — а нормально, немало так, вот разговорились!

— Ты это окно постоянно держишь открытым? — крикнул я.

— Нет! — послышалось с кухни. — Сейчас вернусь с десертом и закрою. Мне страшно, когда я ничего не могу разглядеть с той стороны.

— А здесь причины для страха бывали?

— Нет, пока нет. Сюда даже собаки не забегут — трупов нет, — а трупоеды тем более.

Ты же через Айдахо Спрингс ехал сюда?

— Да, — подтвердил я, подойдя к двери кухни и опершись на косяк. — Оттуда.

— Без приключений? — обернулась она.

Я разглядел, что у нее, похоже, там яблочный пирог на столе. Ну ты скажи. А сейчас она примеривалась открыть какую-то консервную банку.

— Что случилось?

— В собак пришлось пострелять, потом... — я немного растерялся, не зная, как поименовать напавшую на меня и убитую тварь, но Лора Джин подсказала:

— Трупоед? Какой, вроде собаки который?

— Он самый.

— Гребаное отродье, ненавижу, — выругалась она. — Убил?

— Убил.

— Это хорошо. Но сюда они не добирались, и думаю, что не доберутся. Им пробки на хайвэе надолго хватит.

Отставив в сторону открытую банку, Лора Джин протянула руку к бокалу. Только что произошло дальше, я не разглядел. Похоже, бокал ударился об угол стойки с ножами, треснул, посыпалось стекло, вино вылилось на стол.

— Проклятье! — дернулась Лора Джин, поднеся ко рту окровавленный палец — видать, напоролась на торчавший вверх клыком кусок стекла. Затем она как-то странно посмотрела на меня, затем сказала напряженным голосом: — Слушай, иди пока отсюда, хорошо?

— Может, тебе помочь? — предложил я. — Перевязать? Я вообще-то умею.

— Просто иди, хорошо? Иди к черту, я сказала!

В голосе почувствовалась настоящая злость. Керосиновая лампа освещала кухню довольно скудно, но мне показалось, что пятна у Лоры Джин на лице стали ярче, словно краснотой налились.

— О'кей, все нормально, я уйду! — поднял я руки в примирительном жесте. — Считай, что уже ушел.

Она так не посчитала. В какой-то момент я просто увидел, как ее глаза налились кровью, губы разъехались в злобной гримасе, обнажая зубы, испачканные кровью из пораненного пальца, а затем она дико закричала, схватила из стойки здоровенный кухонный нож и бросилась на меня.

— С ума сошла? — крикнул я, отскакивая в сторону от двери и хватая со стойки металлический поднос.

Женщина проскочила мимо, махнула ножом перед собой, рывком развернулась, глядя на меня. Я вспомнил про револьвер на поясе, но... мы же только что сидели вместе, говорили, и я точно знаю, что говорил я с человеком, даже с хорошим человеком. Какой тут револьвер?

— Лора Джин, просто успокойся! — сказал я, выставив поднос перед собой как щит. — Не делай глупостей, я тебя очень прошу!

Диалог не состоялся. Она как-то по-звериному присела, глядя на меня совершенно обезумевшими глазами, затем рванулась вперед, нелепо, но опасно размахивая ножом. Я принял удар ножа на поднос, который оказался пробит на всю длину лезвия, затем одновременно дернул, поворачивая поднос в сторону, силясь обезоружить сумасшедшую, а заодно оттолкнул ее ногой, отчего она отлетела назад и свалилась на пол.

— Угомонись! — заорал я на нее, но в ту же секунду понял, что она не угомонится. Она завалилась набок, сунула руку в карман, и я, предчувствуя нехорошее, рванулся назад вдоль стойки.

Грохнул один выстрел, где-то у меня над головой брызнула осколками бутылка, затем хлопнул второй, выбив щепки из стены. Затем послышался отчаянный визг, Лора Джин вскочила, держа в руках маленький двустольный пистолет «дерринджер», огляделась по сторонам явно в поисках другого оружия, и мой взгляд упал на винтовку, стоявшую почти что рядом со мной.

Не хватало еще, чтобы она до нее добралась! Схватив оружие, я перевалился через торцевой поворот стойки, свалился на пол, затем рванул в сторону входной двери, к холлу. У дверей резко свернул направо, прижался к стене, схватив винтовку как дубину.

Точно, где-то там был еще и дробовик, тот самый, с пистолетной рукояткой, с которым она встретила меня на крыльце. И эта моя догадка сразу же подтвердилась: в баре грохнул выстрел, дробовая осыпь ударила по сувенирам на полках в холле. Затем вновь крик, звук передернутого затвора, потом шаги, размеренные, тяжелые, какие-то не женские. И тяжелое, злобное дыхание.

Схватив винтовку за ствол и цевье, я поднял ее как дубину, стараясь при этом даже не дышать, чтобы не выдать своей позиции. Шаги приблизились, послышалось какое-то скуление, затем сменившееся бормотанием. Я не смог разобрать ни единого слова, а затем опять грохнул выстрел. Сверкнула вспышка, осветившая темный холл, резко запахло сгоревшим порохом. Я вообще обратился в статую, в манекен, зачем-то при этом еще и считая про себя.

Вновь шаркающие шаги, ствол дробовика показался в двери — и я изо всех сил опустил на него приклад винтовки. Загремел металл о каменный пол, послышался крик то ли разочарования, то ли ярости, а я, отбросив винтовку, выскочил из-за угла и с ходу пробил качественную боксерскую двойку в голову стоящей передо мной женщине. Ее закрутило на подгибающихся ногах, после чего она завалилась в сторону, перевернув стул и сдвинув стол.

Лора Джин пришла в себя, лежа на диванчике из холла, который я притащил в бар и придвинул поближе к камину — единственному теплomu месту в гостинице. Руки у нее были связаны за спиной клейкой лентой, равно как и ноги в щиколотках. На левой скуле наливался здоровенный синяк. Сейчас глаза у нее были совершенно нормальными, красные пятна с лица почти полностью исчезли. И еще было видно, что она вымотана до предела.

Я приподнял ее, устроив сидя, затем спросил:

— Пить хочешь? — показав бутылку минеральной воды.

— Хочу, — сказала она. — Можешь развязать меня, уже все нормально.

— У кого нормально? — удивился я. — У меня пока нет. Ты меня только что пыталась зарезать и застрелить, а никаких объяснений этому я еще не получил. Так что не будем торопиться со словом «нормально».

Она посмотрела на меня озадаченно. Я решил, что она ничего не помнит из того, что было сейчас, но ошибся: похоже, что ее заинтересовало что-то другое. Она спросила:

— Ты — чужой?

— Послушайте, леди. — Я поставил себе стул неподалеку от дивана и уселся на него задом наперед. — Если вы не станете отвечать на мои вопросы и начнете задавать свои, то я просто перегну вас через спинку вот этого самого дивана, возьму палку и стану бить ею по вашей не столь уж маленькой заднице до тех пор, пока вы не дадите мне всех объяснений. Я понятно выразился?

Она вздохнула тяжело, посмотрела на меня так, словно разговаривала с неразумным ребенком, затем спросила:

— Скажи, мистер, сколько раз во время разговора я сказала тебе, что у меня Дабл-Ар-Эс? Раз десять? Двадцать? И ты не сделал никаких выводов? Так не бывает. Ты — чужой?

Похоже, что за мной и вправду какой-то косяк. Или я не знаю чего-то такого, из-за чего выгляжу полным идиотом.

— Я — чужой. Почти... но это не столь важно. Чужой. Теперь говори, что с тобой не так.

— Я выжила после энцефалита, но с синдромом возвратного бешенства^[2], Дабл-Ар-Эс, — сказала она медленно, глядя мне в глаза. — Если бы ты не был чужим, провалившимся к нам совсем недавно, ты бы знал, что это такое. Затем я порезалась на кухне, и если бы ты хоть что-то соображал, то ушел бы сразу, но ты этого не сделал. Ты пока еще не понимаешь?

— Пока нет, — ответил я честно.

— Кровь, моя кровь, она спровоцировала приступ, — терпеливо продолжила она объяснять. — Все знают, что у людей с синдромом при виде своей крови... не только своей, но со своей это хуже всего, начинаются припадки. Вот как у меня. Тебе надо было просто сразу уйти и побыть где-то там, где я тебя не вижу. А ты полез со своими перевязками, то есть вел себя как последний идиот.

— У тебя и сейчас палец в крови. Если я тебя развяжу, и ты его увидишь — тебя снова понесет? — поинтересовался я.

— Нет, уже не понесет, мистер, — сказала она чуть не по слогам. — Меня теперь долго не «понесет», потому что припадок закончился. Так что, мистер супермен, можете развязывать и ничего больше не бояться. А если боитесь, то держите оружие к себе поближе.

— М-да? — задумался я.

Нет, сейчас она выглядела более чем нормальной. Я просто физически чувствовал, что никакой опасности она не представляет. То существо, что гонялось за мной минут десять назад, было не ею.

— Ладно, пусть будет так, — кивнул я, вытаскивая из кармана брюк небольшой, но отчаянно острый складной нож, найденный тоже у себя.

Лора Джин ножа не испугалась, просто вытянула ноги перед собой. Одним движением я рассек ленту у нее на щиколотках, потом зашел сзади и освободил руки. Она начала растирать запястья, сказав при этом:

— Дай попить.

Я протянул ей пластиковую бутылку с водой. Пила она жадно и много, почти опустошив ее. Затем ощупала лицо, спросила у меня, обернувшись:

— Выглядит ужасно?

— Ну... — замялся я, — на конкурс красоты пока рановато. С недельку лучше подождать.

— Хорошо, что не застрелил меня, — вздохнула она. — Ладно, у нас яблочный пирог по плану. И банка заварного крема к нему. Десерта никто не отменял.

— Точно, — кивнул я. — Счастливого Рождества.

— Тебе тоже.

Как ни странно, но мы вернулись за стол, который в недавних событиях совсем не пострадал. Пострадали только поднос и винтовочный прицел, пришедший в негодность.

— У меня таких еще с десятков, — мотнула головой Лора Джин, выкладывая мне на тарелку большой кусок пирога и поливая его кремом из банки. — Я много оружия собрала по окрестностям. Так что забудь.

— Вина тебе налить? — спросил я, снимая из подвески над стойкой еще один бокал.

— Нет, мне уже не надо, — ответила она и, перехватив мой взгляд, пояснила: — Могу просто свалиться после вот... ну ты понял. Мне лучше воды... нет, достань колу оттуда... снизу.

Вместо бокала вина я поставил перед ней высокий стакан кока-колы.

— Яблоки были консервированными, — пояснила она, показав на пирог. — Но вроде бы нормально получился.

— Просто отлично, — сказал я вполне искренне. — Но ты мне расскажи все же, что на самом деле случилось.

— Ты все видел, — пожала она плечами. — Чуть не у половины выживших обнаружился Дабл-Ар-Эс. Все признаки бешенства как у собак, или там лисиц, даже водобоязнь, просто никто не умирает... из носителей. Даже когда я вот этого большерога разделявала, — она показала на опустевшую тарелку из-под стейка, — тебе лучше было бы держаться подальше, хоть из-за животных такого не случается обычно. Ну и еще... это накапливается.

— В смысле?

— В том, что если я сейчас порежусь, ничего не случится. Через неделю могу сильно разозлиться. Через месяц будет как сейчас.

— А если никого рядом не будет? — уточнил я.

— Если никого не будет, то... не знаю, буду кричать, злиться, могу как-то себе навредить. Но просто так ничего не случается, всегда нужен триггер, вот как это, — она показала заклеенный пластырем палец.

— А что не так с людьми из Сентрал-Сити? — вспомнил я недавний разговор.

— Есть еще способ избегать припадков, — сказала она, подумав. — Например, можно кого-то убить. Чем больше крови, тем лучше. Ты... ты фокусируешь свое бешенство на жертве, ты не опасен больше никому, в том числе и себе. Но если ты уже пошел по этому пути, то... сам понимаешь. Ты меняешься. Совсем меняешься. И еще... тебе не обязательно ждать приступов.

— То есть, если ты кого-то разделал, то и приступа не будет.

— Да, — ответила она коротко.

— И там именно такие? — на всякий случай все же уточнил я.

— Именно такие, да, — кивнула она. — Хотя между собой они тоже плохо уживаются, всякое случается.

— Ты там была?

— Нет, я не была, но Уилл Мастерс, который сейчас живет возле Эвергринна, пожил у них с месяц. Он и рассказал. Ну и слухи даже у нас расходятся.

Я кивнул, примерно представив, как это может все выглядеть. И что из такого может получиться.

— А вот эти, — я провел себе пальцем по скуле и лбу, — пятна, они только у людей с синдромом?

— Не только, у некоторых выживших они тоже есть. Обычно с утра, если ты выспался, их вообще не видно, к вечеру проявляются. Нет у совсем иммунных — и у чужих, таких, как ты, — усмехнулась она. — Слушай, для тебя ведь это все должно выглядеть как плохое кино. Почему ты такой спокойный?

— Потому что уже не в первый мир провалился. Всякое бывает. Бывают вещи более странные, чем здесь, и даже твари мерзее этих ваших трупоедов.

Она посмотрела на меня странно, но как-то не удивилась. Хотя чем ее еще удивить можно? Лора Джин лишь схватила с вилки еще кусок пирога, запила его кока-колой, после чего спросила:

— Расскажешь?

— Да без проблем, в общем-то, — пожал я плечами. — Только сразу договоримся, что ты мне веришь. По рукам?

— Ага.

С утра пораньше я так никуда и не уехал. Сначала проговорили, сидя за столом, почти до четырех, потом проспал до полудня, к тому же без похмелья не обошлось: не врут рассказы про высокогорье. Холодина в гостиничном номере была изрядная, никакого отопления в нем не водилось, но под тремя одеялами выспался очень даже хорошо, разве что вылезать с утра на холод было проблематично.

— Блинчики, — сообщила Лора Джин, когда я спустился в бар. — С кленовым сиропом, или ты их как-то по-другому ешь?

— Я кленового сиропа в жизни не пробовал, — сознался я, явно повергнув ее в шок. — Но думаю, что все будет хорошо.

— Есть джем там в шкафу, разный, — показала она лопаткой, которой переворачивала блинчики на сковороде. — Я его отовсюду тащу. Выбери какой нравится. Кстати, как я выгляжу? — повернулась она ко мне.

Лучше она не выглядела, точно, синяк налился еще гуще и заметно потемнел.

— Ну... недельку я бы в свет не выходил, — прокомментировал я зрелище. — Могу даже повторно извиниться.

— Это поможет, разумеется, — усмехнулась она. — Ты не передумал насчет Денвера?

— Я осторожно, посмотрю с окраин и попытаюсь свалить.

Такая моя осторожность стала следствием ночного разговора, из которого я о многом узнал. В частности о том, что некоторые из больших городов превратились если не в рассадники Тьмы, чего ожидал я, то как минимум в рассадники вот такой мерзкой твари, как та, что я вчера подстрелил. «Там воздух как над костром колеблется, — объясняла мне Лора Джин: — Если видишь такое место, даже близко старайся не подходить. А люди говорят, что Денвер весь такой».

Странно... хотя чего тут странного-то в том, что как раз это мой мозг усвоил легко. В «концепцию Тьмы» это все вполне укладывалось. Даже какая-то закономерность уже наблюдается: вместо адаптантов люди с Синдромом, вместо Тьмы — воздух колеблется, понимаешь, вместо тварей Тьмы — эти самые трупоеды. В общем, у меня перед местными и пришлыми одно большое преимущество — я это все уже видел и меня ничем таким не удивит.

А в остальном... она много рассказывала. Как началось, как появились карантинные, как солдаты в защитном снаряжении организовывали кордоны, а потом оказывалось, что вся их защита уже ни на что не годна. Тогда началась насильственная мобилизация всех иммунных, на них надевали форму, наскоро учили и ставили на посты. В общем, за счет этой мобилизации подобие государства и сохранилось, произошло что-то вроде насильственного отбора выживших. А потом, после того как стало ясно, что все, кто должен был умереть, умерли, оставшиеся двинулись к югу, где образовывалось новое государство. Сохранить за собой всю территорию они уже не могли.

— А всякие атомные станции и прочее?

— Не знаю, не думала об этом. А что?

— Ну их так просто не выключишь, насколько я знаю, надо их и дальше контролировать.

— Значит, как-то контролируют, — пожалала она плечами. — В Колорадо раньше была одна станция, в Плэттвилле, но ее закрыли лет пятнадцать назад из-за каких-то проблем.

— Понятно. А снег где закончится?

— После Эвергринна его будет все меньше, к Айдлдейлу закончится совсем. Ищи машину, там их будет много.

Тоже ведь проблема. Может оказаться так, что снег начнет заканчиваться там, где на машине еще не проедешь. Квадроцикл бы какой-нибудь найти, из тяжелых.

— Квад где можно найти?

— Если только в гаражах искать, — удивилась Лора Джин вопросу. — Их прокат в Айдахо Спрингс, но ты оттуда не проедешь, сам видишь. Не знаю, здесь ничем помочь не смогу. Садись, — указала она на стул возле стойки. — Дальше есть гора с трассами, очень людное было место, самые дешевые билеты тридцать девять долларов за день в разгар сезона, называется «Эхо Маунтин», там никого, но у них летом я точно видела квады... нет, ты все равно не проедешь, до самого Эвергринна дорога завалена.

Блинчики, больше напоминавшие оладьи, лежали стопкой на большой тарелке. Лора Джин выставила еще две тарелки и дымящийся кофейник с двумя кружками. Подцепив вилок верхний блинчик, я перекинул его к себе, бросив сверху ложку джема.

— Как?

— Великолепно. Если поест больше одного раза, можно получить зависимость, — похвалил я стряпню.

— Едешь сегодня или подождешь до завтра?

— Сегодня, — ответил я, не раздумывая. — До Эвергринна я точно доберусь как минимум до сумерек, а это все же шаг вперед.

— Твое дело, — не стала она разубеждать меня. — Рада была знакомству.

— Взаимно.

Разговор как-то угас, вроде как все темы исчерпались. Мысленно я уже уехал, она же осталась в своем желанном одиночестве. Еще вместе, но уже разошлись. Но попрощались тепло. Уже усевшись на снегоход, я вспомнил о том, что так и не надел, общаясь с ней, маску. Зря, наверное, но... все равно какая-то уверенность есть в том, что не заражусь. *Он* не заразился, ну и я не должен. Наверное.

Дорога после гостиницы карабкалась вверх, затем, после того как я оставил за спиной указатель на «Эхо Маунтин» — со слов Лоры Джин самой популярной в окрестностях лыжной горы, — понемногу начала идти под уклон. Видны были частично занесенные следы снегохода — думаю, что этот как раз моя недавняя собеседница оставила. С ее слов, она чуть не каждый день в ту сторону ездила.

В одном месте, где дорога шла по склону распадка, на противоположном склоне заметил какого-то рогато-копытного зверя, в положении «мечта охотника»: метров двести до него и стоит в профиль. Даже рука потянулась за «ремом», но потом я такое движение пресек очень решительно — на кой черт мне это надо? Что мне потом с ним делать?

Когда впереди на холмике показались дома вроде *моего*, я остановился и сверился с картой. Да, это Эвергрин, доехал. Похоже, местечко вроде Грэнби, только помоднее будет. И вот эти дома... уверен, что в гаражах там не один десяток квадроциклов есть. Просто не может не быть, потому что в таких местах селятся какие люди? А вот вроде *меня*, то есть любители всякого активного отдыха.

Нет, вру, не совсем как у меня. Мой — он вроде шале в горах, а эти уже пригородного типа, «сабурбия» некая здесь. Но это без разницы, как я думаю. И что мне сейчас делать? Хм... все же покататься по городу для начала, глядишь, там и найду то, что мне нужно.

Города как такового я не нашел. В отличие от того же Грэнби, Эвергрин был именно что пригородом, без явно выраженного центра и без плотной застройки. Здесь куча магазинов, фитнес-центр и пара ресторанов, затем ничего, потом опять какое-то торговое место. И везде дома, дома, дома, не тесно, просторно, широко. Я даже озадачился: почему *мы* поселились возле Грэнби, а не здесь, откуда рукой подать до Денвера, где есть все и где явно неплохо жилось.

Над парой домов заметил дымы, причем дома отстояли друг от друга далеко, километра на три. Специально не стал подъезжать ближе — решил, что ну его, мне ни от кого ничего не надо, так зачем искать контактов? Сам разберусь.

Сначала мое внимание привлекло здание с вывеской «Адаптивные приключения», куда я свернул в надежде на то, что поездки на квадроциклах тоже к таким относятся, к «адаптивным». Но вынужден был разочароваться: ничего подобного там не было.

— Ладно, по улицам покрутимся, — объявил я неизвестно кому свою программу и немедленно приступил к ее выполнению, то есть свернул на показавшуюся подходящей улицу.

Снег, кстати, здесь был уже не так глубоок, как у гостиницы, влажен, да и воздух казался теплее. Похоже, что горный хребет как раз и был некоей границей между «страной снегов» и в основном бесснежным Денвером, до которого отсюда было рукой подать.

Если со стороны главной дороги Эвергрин выглядел нормальным, просто странно опустевшим, то при детальном рассмотрении так уже не казалось. Попалось несколько сгоревших домов с обгоревшими же деревьями вокруг них. Некоторые дома были разорены, стены расписаны краской из баллончиков. В одном месте наткнулся на три обьеденных трупа, причем было видно, что их кто-то расстрелял: руки и ноги связаны, у всех пробиты затылки. Еще тогда, во время пандемии, или уже после те самые, из Сентрал-Сити сюда наведывались?

У некоторых домов ворота гаражей открыты, машин не видно. Похоже, люди просто бросали дома и бежали. Кстати, а на дорогах заторов нет. Даже вообще машин стоящих нет. Смогли прорваться куда-то? Сомневаюсь. Скорее всего где-то еще наткнусь на большой затор, как мне кажется. Где-нибудь у Денвера. А это значит, что надо искать такой транспорт, на котором я смогу затор объехать.

То, что мне нужно, я увидел прямо на улице, вихлястой и редко застроенной Аспен-лэйн, возле большого деревянного дома со вставками из вроде как дикого камня. Машина, присыпанная уже не таким уж и большим сугробом, стояла прямо перед гаражными воротами — джип «рэнглер», новый, я таких в свое время не видел, белый, широкий, трехдверный, с брезентовым верхом, а главное — высоко поднятый над дорогой и на огромных внедорожных зубастых покрышках, натянутых на черные диски.

— Ага, — сказал я, притормаживая перед ним и слезая с «полариса». — А вот поглядим...

Точно, «подрок» джип по сравнению с тем, какой раньше был. В ширину — так точно. Ты гля, он ведь точно под внедорожные покатушки подготовлен, лебедки и спереди, и сзади, по бокам от запаски еще две больших канистры, правда пустые, если постучать. А на дороге снег не такой уж и глубокий — такой «большеног» по нему должен запросто пойти.

Подергал дверь водительскую — заперто, понятное дело. Придется... придется лезть в дом.

Уже привычно глянул на трубу — нет, дым не виден. И запаха дыма нет опять же.

Вытащил из сумки «отмычку», снял с предохранителя, потом прихватил гвоздодер.

— Придется посмотреть, — сказал я, вроде как обосновывая тот факт, что сейчас я вломлюсь в чужой дом, пусть и опустевший.

Если он действительно опустевший.

Опять, естественно, долго стучал, опять, естественно же, никто мне не ответил и двери не открыл. Прикинул, куда стрелять, прицелился, выстрелил, передернул затвор, выстрелил еще и еще. Дверь возле замка разлохматило, петли вышибло из креплений. Дальше понадобилось три удара ногой, чтобы войти внутрь.

Запах. Похоже, что хозяева не эвакуировались. Несмотря на холод, пахнет сильно, даже тошнота подкатывает. Выскочил на улицу, вспомнив про маску, натянул. Запах меньше не стал, но как-то страх заразиться немного отступил. Понимаю, что маразм, но вот так голова странно работает. По идее, если могу заразиться, то заразился я уже давно.

Обстановка с претензией на эдакую загородную роскошь. На одной стене в гостиной висят скрещенные клюшки для гольфа, под ними полочка с какими-то кубками. Картины не из тех, что продаются вместе с интерьером, а вроде как даже неплохие. Огромный камин.

А вонь не только от мертвечины, тут еще собачьего дерьма полный дом. Где-то собака?

Дотолкал в дробовик три патрона. Собак я уже не люблю.

Дверь в гараж из дома не была заперта. Вошел, светя фонарем, огляделся. У дальней стены стоял блестящий черный седан «лексус», а ближе ко мне — длинный, сверкающий хромом мотоцикл из тех, на каких принято путешествовать далеко-далеко. Ключей от джипа и всего остального я там не нашел. Равно как и собаки.

Так, где еще бывают ключи? Там, где человек собирается, когда выходит на работу, и где-то возле выхода.

Возле выхода было зеркало, широкая низкая тумба под ним, но опять никаких ключей. Ладно, поищем дальше, я не тороплюсь.

Прошелся по просторной, как у меня, гостиной, везде заглядывая, но опять безрезультатно. Пошел на второй этаж.

Запах стал сильнее. Толкнул дверь — спальня, на кровати мертвец, точнее — то, что от него осталось. С останков натекло, но сейчас все же подмерзло. На тумбочке и рядом на полу огромное количество упаковок от лекарств. Похоже, просто от болезни скончался, в одиночку. Да, даже по дому заметно, что, несмотря на его размер, тут жил всего один человек. И, кстати, собака нашлась: отступив в сторону, увидел на полу ее труп — тощая, рыжая, что за порода — понятия не имею. Похоже, собака, запертая в доме, питалась сначала хозяином, а потом все же сдохла. От болезни? Или просто с голоду? С голоду, наверное, иначе столько бездомных собак здесь бы не бегало.

Ключи нашлись в следующей комнате, оказавшейся кабинетом. На тумбе у самых дверей стояла широкая низкая ваза, в ней лежало все, даже запасные. Вот «лексус», вот мотоцикл, вот джип. Он мне и нужен.

Сбежал вниз, топая по деревянным ступенькам, сначала сунулся в гараж, оттуда вручную открыл ворота, подняв створку. Выскочил наружу, на снег, жадно вдыхая свежий холодный воздух. Черт, а что дальше будет, когда я совсем с гор спущусь, в тепло?

Джип предсказуемо не завелся, только втяжное реле пощелкало немного: аккумулятор сдох. Небось с включенной сигнализацией машину бросили. Но ничего, для нескольких попыток хватит и тока со снегохода, а провода у меня есть, в *своем* доме нашел.

Отстегнул резиновые крючки капота, поднял его, разобрался с клеммами аккумулятора.

Всех правил соблюдать не буду, хрен с ней, с «землей», замкну клемма к клемме и глушить снегоход не стану.

Откинув пластиковые колпачки, присоединил «крокодилы» к клеммам, забрался в машину, оказавшуюся действительно очень высокой. Повернул ключ, посмотрел на лампочки, услышал, как заблмыкал сигнал непристегнутого ремня. Стартер вполне бодро завертелся, джип фыркнул и завелся, сразу ровно и мягко. Ну да, это не древние трофеи в Порфирьевске заводить, тут уже все совсем-совсем другое.

Нормально, живем. Теперь только аккумулятору зарядиться дать. Отключил все лишнее, вплоть до вентиляции: не фиг потреблять. Так, что там с бензином? Треть бака примерно. Для «зарядки» вполне хватит, только имущество перегружу: пусть все свое будет с собой.

Багажник в трехдверном «рэнглере» маленький, но с откинутыми задними сиденьями картина изменилась, все разместилось легко. Снегоход загнал в гараж, закрыв дверь. Пусть будет, мало ли. Затем, забравшись в джип, включил почти на минимум печку. Ну-ка вспомню, как это вообще — в тепле рулить.

Сиденье... черт, отвык от нормальных сидений нормальных машин. С поддержкой с боков, плотное, из какой-то явно очень прочной плетеной ткани. Подрегулировал, потом руль под себя подстроил. Обалдеть. Пошарил в «бардачке», потом еще в одном, который под подлокотником. Нашел хороший с виду фонарик, обрезиненный, даже батарейки не сели. Включил — очень даже ярко, аж смотреть невозможно. Пригодится.

Ладно, чего сидеть? Поехали, что ли.

Джип уверенно перевалился через сугроб, который намело за зиму перед ним, выбрался на дорогу, которую такой полагать можно было условно. Снег под ним просел, но ничего страшного не случилось, машина хоть и с усилием, и даже ощутимой пробуксовкой, а поехала. Еще бы цепи на эти колеса, но цепей не нашел. Проехав пару сотен метров, остановился, осененный некоей идеей. Выбрался из кабины, обошел джип по кругу, выпуская из колес воздух, на глазок, так, чтобы опорная поверхность частично расплылась.

Сработало: машина пошла заметно легче, куда меньше проваливаясь. Теперь главное — аккуратно газом, коробка здесь автомат, для американцев, газу передавишь — сорвет в пробуксовку, крутящий момент здесь ого-го, а там они сами зашлифуют мокрый снег так, что без лопаты не выедешь, будешь как в ледяных колодках колеса вхолостую крутить. В общем, главное — не торопимся.

Выбрался к основной дороге, широкой и не слишком-то уже и засыпанной, — похоже, что с нее снег сдувало. Даже не удержался, выбрался из кабины и попробовал лопатой покопать — всего-то сантиметров двадцать до асфальта, не застряну.

Километрах в пяти за Эвергрином увидел людей, мужчину и женщину, стоявших возле одного из четырех небольших домиков, прижавшихся к шоссе. Над крайним видна была вывеска «Бер Крик Кэбинс». Увидев машину, они просто уставились на нее и смотрели, пока джип не скрылся за поворотом. Еще я разглядел свежие следы, ведущие как раз от этих домиков на дорогу, причем не снегохода, а чего-то колесного.

Потом был еще один городок, совсем маленький, Киттридж, который я просто проехал насквозь, заодно отметив, что снега стало совсем мало, а дорога вела уже откровенно вниз, к теплу. А примерно возле указателя «Медвежий ручей» снег сменился асфальтом. Пришлось вновь останавливаться и подкачивать колеса компрессором, что заняло немало времени, потому что объем был как у тракторных, наверное. Ну и бак долил под пробку заодно. Зато с подкачанными машина пошла куда веселей, и я увеличил скорость примерно до тридцати

миль в час, решив все же не горячиться.

До Айдлдейла доехал быстро, заранее решив устроиться там на ночлег, а все приключения у Денвера оставить на завтра. Мне почему-то кажется, что так просто проехать там не получится, так что лучше максимально использовать световой день.

Найти пустой дом проблемой не оказалось, разумеется. Проблемой было найти такой дом, в котором не было трупов. В конце концов устроился в небольшом двухэтажном доме на северной окраине городка, с камином и поленницей во дворе. Гараж был пуст, но загнать машину внутрь не получилось: высоковата оказалась. Спускать колеса, естественно, не стал, просто объехал дом с обратной стороны и там ее оставил, вроде как спрятал на тот случай, если кто-то проедет по дороге. Разве что глушить долго боялся: вдруг не заведу? Но ничего, завелась — подзарядилась батарея.

Отсутствие снега придавало некоей неуверенности: исчезла возможность видеть следы, к чему я успел привыкнуть. Поэтому моссберг держал все время под рукой, равно как и кобуры с револьвером не снимал. Тихо, слышно только, как дрова потрескивают в камине, и все время прислушиваешься, опасаясь услышать сквозь эту тишину что-то нехорошее. Поэтому к ночи, когда дрова в камине прогорели, поднялся на второй этаж: там хоть через окно меня так просто спящего не увидишь, и через то же окно внутрь дома не сиганешь. Устроился в пустой спальне, задвинув дверь комодом и пообещав самому себе ходить ночью в туалет в окно, если вдруг приспичит.

Дом, естественно, прогреться не успел, так что спать завалился под всеми одеялами, которые удалось найти. Пусть температура и плюсовая, но от нуля далеко не ушла. Обнаружил градусник за окном, глянул — тридцать семь градусов. По Фаренгейту, разумеется. Офигеть как информативно. Думаю, что градуса два-три выше нуля, по ощущениям.

Раздевшись до лыжного белья, забрался под одеяла, и тут же вскочил, услышав звук двигателей. Где-то неподалеку неторопливо ехала машина, судя по звуку — серьезный грузовик. Подскочил к окну, разглядел лишь свет фар неподалеку. Свет не двигался, грузовик остановился. Потом двигатель заглох и фары погасли, зато я услышал голоса, хоть и не смог разобрать ни слова. Где-то они совсем близко от меня, но разглядеть не могу: деревья мешают, и все улочки тут на разной высоте, насквозь ничего не просматривается.

Потом и голоса затихли. Мне подумалось, что те, кто приехал на грузовике, тоже устроились на ночлег. А что, так теперь проще всего, наверное.

Ладно, поставил «ремингтон» прямо у окна, прислонив к подоконнику, и вновь лег спать. Уснул не сразу — все прислушивался, потом просто мысли одолели. Вот даже насчет тех же знаков, какие обещала оставить Настя: где их искать? Денвер большой, тем более она летела... вот как можно было дать о себе знать? Ни малейшего представления. Скорее всего это она просто с излишком оптимизма смотрела в будущее. А лично у меня ни малейшей уверенности нет в том, что мне вообще удастся приблизиться к городу. Почему? Потому что дороги здесь совсем пустые. А так быть не должно: была паника, горожане должны были пытаться вырваться оттуда. Значит, что? Скорее всего кордоны, карантин, никого не выпускали в этом направлении. И как следствие — там должна быть огромная пробка, уверен в этом.

Поискать самолет?

А почему бы и нет, к слову? Чем-то серьезным управлять не смогу, а вот с нечтом вроде того, что я на семейном фото видел, — наверняка справлюсь, не может он быть сложнее

ветерана По-2. Садиться на шоссе, заправляться из брошенных машин... А что, очень даже удачная мысль. Меня ведь снег сдерживал, а теперь его нет.

Тогда вопрос: где искать? Подробный атлас дорог у меня есть, но его проблема в том, что он слишком подробный, это придется страницу за страницей разглядывать. Не, а я что, очень занят чем-то? Некогда мне? Вот с утра и займусь, с первым светом. Опять же план новый появился, а то я что-то растерялся совсем. И с воздуха буду эти самые Настины знаки искать. Вот так.

Поворочавшись, все же уснул. А потом вскочил в полной темноте, скатившись с кровати на пол в обнимку с дробовиком: где-то совсем рядом стреляли. Не по мне, к счастью, это я довольно быстро сообразил. Стекла не сыпались, стенки не дырявились, никто в атаку не шел. После этого уже решился приподняться.

Прислушавшись, решил, что на бой это тоже не похоже. Стреляли с одного направления и так: сначала много автоматического огня, потом уже одиночные выстрелы пачками, словно... вот как будто что-то напало, нападение отбили, а потом уже прицельно вели огонь по какой-то малозаметной цели. Несколько человек. Да, как-то так. Как, например, по тварям Тьмы стреляли.

Постепенно стрельба стихла, вновь слышались голоса. Потом и голоса стихли, а на безлюдный городок, в половине домов которого лежали мертвецы, опять опустилась тишина, как периной накрыло. А я еще с полчаса сидел у окна, пытаюсь что-нибудь высмотреть в темноте и искренне сожалея об отсутствии ночного прицела или чего-нибудь другого ночного. Потом все же спать пошел.

Проснулся с рассветом и почти сразу услышал, как неподалеку завелся грузовик. Потом я его даже разглядел — здоровый, военный, чем-то похожий на наш «урал», камуфлированный, — он проехал по соседней улице, не торопясь, и исчез за поворотом. А вскоре и звука его дизеля не стало слышно.

Я почти два часа просидел, разглядывая карты Денвера и окрестностей, в результате чего обнаружил прорву аэродромов, хотя при этом заподозрил, что большинство аэродромов являются скорее посадочными полосами и самолеты на них постоянно не стоят. Так что надо выбирать те аэропорты, что покрупнее, а таких оказалось пять. Из них один был базой ВВС, а четыре из пяти находились с обратной стороны Денвера, что логично: куда лучше заходить на посадку над чистым полем, а не со стороны гор и не над городом. А вот один аэродром показался совсем привлекательным — муниципальный аэропорт городка Боулдер. Он и ближе к горам, и не маленький, и весь Денвер огибать не потребуется. А если присмотреться внимательней, то к нему можно будет прорваться, не доезжая до главных дорог, где я ожидал кордонов и навсегда замерших пробок из тысяч машин. И где можно нарваться на всякую нехорошую тварь.

Кстати, а в кого все же ночью стреляли, а? Ладно, потом об этом... так, совсем в обход Денвера не получится, иначе придется возвращаться к Айдахо Спрингс — привет, снег! — а потом еще ехать через Централ-Сити и Блэк Хоук, где, со слов Лоры Джин, засела целая банда натуральных психов и маньяков. Нет, не пойдет такой маршрут. Придется все же в сторону столицы штата, и там самым краешком — и на север, к Боулдеру. И, обогнув его с востока, получится попасть в аэропорт, даже не затронув самого города.

Вот так.

Опять же у меня вновь есть план.

Собрался по-быстрому, загрузился в машину. Ключ поворачивал с затаенным страхом, но проблем не возникло: мотор запустился сразу, за ночь ничего страшного не произошло. Вырулил из-за дома на дорогу, тут же вспомнил про ночную стрельбу. К утру я уже примерно разобрался, где ночевали люди, приехавшие сюда на военном грузовике, поэтому место нашел почти сразу — большой одноэтажный дом со следами больших колес на жухлой траве перед ним.

Под окнами было насыпано немало автоматных гильз, а чуть поодаль, у самой обочины, я разглядел большую черную лужу, словно машинным маслом набрызгано. От лужи в сторону деревьев тянулись такие же «масляные» следы.

— Я бы глянул все же, — сказал я сам себе, подхватывая с правого сиденья моссберг. — А то ведь потом измучаюсь любопытством.

Нет, понятно, что идея не слишком хорошая, но просто наплевать и уехать я не смог: вот хочу видеть — и все тут. Хочу узнать, была ли тут точно такая же тварь, как та, что я убил в Айдахо Спрингс, или они разные? Нет, Лора Джин говорила, что разные, но «говорила» — это одно, а «я сам видел» — уже чуть-чуть другое. И вот сам и хочу поглядеть.

Странно ощущать под ногами уже землю, а не снег. Влажная земля пружинит, идешь по ней совсем неслышно, в удобных высоких ботинках из желтого нубука, которые я тоже у себя дома нашел. Зимний охотничий камуфляж, к слову, я сегодня с утра уже на обычный сменил, тот самый «Мосси Оук», вроде как к изменившимся условиям приспособился.

А много этой... крови. Да, крови, а что же это еще? Вон кучка кустов, к ней след и тянется. В кусты лезть побоялся, начал обходить их против часовой стрелки, по большому кругу, ни на секунду не опуская ствола ружья. Но никто на меня не напал. Зато я увидел, что след ведет за угол соседнего дома.

Постоял, прислушался, принялся — где-то вдалеке вороны каркают, да и все. Аккуратно, опять же с большого круга, заглянул за угол. Вот... оно.

Медленно-медленно подошел ближе, готовый открыть ураганный огонь по лежащему на грязной земле телу и стрелять до тех пор, пока магазин не опустеет. Но не потребовалось: тварь не шевелилась.

— Гуманоид, блин... — сказал я, разглядев труп. — Демон какой-то.

И ведь по-другому и не скажешь. Опять чешуя, местами неряшливо взломанная ударами пуль, — изрешетило «демона» не слабо. С меня, наверное, ростом был, только пропорции того... другие. Руки длинные, с большими ладонями, толстые пальцы с крючковатыми когтями. А вот ноги — наоборот, короткие, кривоваты, толстые, хотя когти тоже имеются. Половые признаки отсутствуют вообще, к слову. Ну те, в смысле, которые мы за таковые считать привыкли. А вот харя...

— Ну и рожа у тебя, Шарапов, — сказал я, присев на корточки перед убитой тварью.

Голова была все же не слишком гуманоидной формы, вытянутая и к затылку немного, и к челюстям. В результате чего эти самые челюсти, начисто лишённые губ, открывали серьезный набор зубов. А глаза как у той твари, что я позавчера убил: ни зрачков, ни белков — одна чернота. Запах... запах... я такой, кажется, в свое время в террариуме ощутил, где змей держали. Что-то похожее, мускусный какой-то.

Поднялся, задумчиво потыкал ботинком в оскаленные зубы, потом сказал:

— Не, те, что из Тьмы, все же гигиеничнее были, сами растворялись. Но что-то общее между вами все же есть. Ладно, поехал я.

Все верно. Надо просто определить для себя, что ничего по сравнению с Отстойником не изменилось. И чего я тогда такого не видел? Хотя ладно, зачем душой кривить — я мертвого мира не видел, потому что Отстойник был не мертвым, а пустым. А это все же совсем разные материи.

До Денвера и вправду было рукой подать отсюда, доехал минут за пятнадцать до крошечного городка Моррисон, откуда можно было свернуть на неширокое шоссе, идущее параллельно дороге 470, которая для Денвера была чем-то вроде окружной. Хотел сначала сразу свернуть, но потом вновь заявило о себе любопытство — захотелось глянуть сблизии на «плохое место». Поэтому поехал прямо.

В общем, за первым же поворотом все стало ясно — в смысле, как тут развивались события. Слева от дороги разместилась бензоколонка, а рядом с ней небольшое одноэтажное здание со стоянкой, и вот тут, судя по всему, основные силы державших карантин военных тогда и разместились. Рогаток, колючки и мешков так никто и не убирал. Кроме того, здесь была выстроена настоящая стена из грузовых контейнеров, а вторая такая вытянулась под мостом, проходившим над шоссе сверху. Вот так они перекрыли выезд из города, получается. Перила моста тоже были оплетены колючкой, и отсюда было хорошо видно, что точно такие же стены контейнеров перегораживали четверста семидесятое шоссе. Мертвый блок.

Когда подъехал ближе, увидел, что стена устроена еще хитрее. Внутри контейнеров, у длинной стены, лежали мешки с цементом, а выше них в железе были прорезаны бойницы. Поверху огромных железных ящиков была натянута спираль — не пройти никому, тут только с танками, которых у жителей Денвера не было.

За контейнерами были машины, великое их множество, заполнившее дорогу так тесно, что люди из них, наверное, не могли выбраться. Все машины в первых рядах повреждены пулями, между ними множество трупов. Думаю, что отчаявшиеся люди все же как-то

пытались штурмовать укрепление, и по ним стреляли. Не знаю, правильно или неправильно поступала на тот момент власть, но знаю то, что она не останавливалась ни перед чем для того, чтобы остановить то, что остановить невозможно.

Города отсюда видно не было, скрывал поворот дороги, зажатый невысокими холмами, а соваться дальше в сторону города не хотелось. Все же оттуда чем-то нехорошо потягивало, не запахом... а вот как «чувством Тьмы» — тем самым звоном в ушах и словно холодом в позвоночнике, страхом. Нет, недалеко я от нее ушел, от Тьмы, в смысле, недалеко.

Сел в машину, развернулся и поехал обратно, куда и собирался с самого начала.

Опять дорога была почти полностью свободна — все машины застряли за кордоном. Проскочил окраину городка Моррисон, потом какой-то «Северный парк динозавров», причем никаких динозавров с дороги не увидел, потом проехал мимо остатков еще одного кордона, устроенного на хайвэе 26. Та же самая картина: контейнеры, колючая проволока, вдоль дороги лежит с полсотни трупов в рваных пластиковых мешках, в рядок. Мешки уже хищники изорвали, похоже. Бр-р, жуть какая, все не привыкну к такому.

Потом слева я увидел огромную стоянку посреди ничего, я так и не понял, к чему она была здесь, но на ней разглядел полностью развернутый и теперь заброшенный госпиталь FEMA, если верить надписи у ворот. Помимо разборных зданий-блоков на площадке было немало военных машин, даже вполне целый с виду «хамви» почти у самого забора стоял, не бронированный, но я решил, что по проходимости с этим переделанным джипом все равно мало что сравнится, так что никуда сворачивать не стал.

Потом слева был Луна-парк, выглядящий дико на этой мертвой земле. Я разглядел замершие «русские горки», какие-то огромные качели — в общем, все, что в таком парке и должно быть. И никого живого. Как кошмарный сон.

Затем был городок Голден Ридж — аккуратные домики за аккуратными заборами, все чистенько и симпатично. Потянуло дымом, но где топили камин, с дороги не разглядеть. Где-то дальше. Я даже скорости прибавил, для того чтобы проскочить это место.

Дорога втянулась в центр городка, справа ее поджал склон, а выше, над ним, потянулись двухэтажные блоки апартаментов, со стенами, отделанными серым сайдингом. И на этом сером фоне я увидел странную скрюченную человеческую фигуру, которая дернулась при виде машины и, странно согнувшись, забежала за угол дома. И только проехав, я сообразил, что видел такого же «демона», какого разглядывал с утра, убитого неизвестными людьми, приехавшими на военном грузовике. Появилась даже мысль насчет поохотиться на него, просто для того чтобы убедиться в том, что я это могу. Но я от этой мысли отмахнулся как от дебильной.

Потом увидел нечто очень знакомое — фабрику «Спайдерко», делающую хорошие ножи. У меня таких в Москве было три штуки разных. Можно было бы сунуться, и... что? Хорошие ножи, аж два, у меня и сейчас есть, из *своего* дома.

Это от путешествия в теплой и удобной машине у меня подобная расслабленность мыслей появилась явно. Сижу вразвалочку, застегнув ремень за спинкой сиденья, чтобы не блымкало и лампочка не мигала, кручу баранку вальяжно, еду не торопясь. Машина трясучая, правда, подвеску в ней действительно под «офф-роуд» настраивали, но все равно это не по морозу верхом на снегоходе.

Кстати, так между делом уже половину пути проскочил, и со всеми моими остановками двух часов не прошло. Все же скорость выросла, так бы и дальше ехать. А потом лететь. Ладно, насчет лететь еще бабушка надвое гадала, сперва надо самолет найти такой, чтобы я

его не испугался. Пилот из меня тот еще.

После Голдена дорога пошла полями, пусть и не совсем ровными, потом дорога раздвоилась, прямо — в Боулдер, направо — в Маршалл. В город лезть не хотелось, хотя над Боулдером воздух не колебался, так что взял правее и почти сразу свернул налево, пошел в объезд города.

Боулдер прижимался к горам, и мне вспомнилась виденная по каналу «Дискавери» передача о том, что этот город существует под постоянной угрозой быть уничтоженным селевыми потоками. Надо, чтобы в двух местах где-то там, в горах, прошли ливни одновременно, и город смоем как в унитаз. И таких проблемных городов в Америке не так уж мало, оказывается. Люди строили их с нуля, не зная ничего толком о месте, а потом оказывается, что где-то землетрясения регулярны, где-то еще что-то, а вот здесь так, вода с гор. Хотя... Боулдеру уже все равно, похоже, можно смываться.

После озера, сверившись с картой, я свернул на совсем узкую дорогу, ведущую мимо симпатичных небольших домов с палисадниками. Затем опять выбрался на главную дорогу и там, сверившись с картой, свернул направо. Заодно убедился, что объехал дорожный блок, выстроенный из автоприцепов и грузовиков, так что все равно пришлось бы возвращаться и объезжать.

К слову, навигационная система в машине работала, я с ней легко разобрался, но она норовила вести или по кратчайшему пути, или по главным дорогам, или просто их избегать. А вот как научить ее сперва объехать город, а потом заехать в него по самому нелепому маршруту — этого я не одолел, так что пользовался атласом.

Потом, проезжая через очередную промзону, было вдохновился вывеской «Ремингтон Вест», но оказалось, что это просто торговля подержанными машинами. А я разгубастился.

Потом дорога повела просто в поля, я забирал в сторону от окраин с большим запасом — вид брошенных домов напрягал, все время казалось, что из-за пустых окон за мной следят... а может, так и было, черт его знает. А вообще, если честно, вид брошенных городов меня уже совсем достал, еще с Отстойника, и то, что здешние города были яркими и не такими нищими, как советские послевоенные, ничего по сути не меняло. К тому же здесь прошла своей косой смерть, так что все было даже хуже.

Так, петляя, я все же добрался до аэродрома. Для того чтобы к нему попасть, надо было объехать его по периметру, но я, вооружившись кусачками, вырезал целое звено из сетчатого забора, отгораживавшего летное поле от дороги, и свернул туда, подключив передний привод и просто перевалившись джипом через дренажную канаву. Зашуршала прошлогодняя трава под днищем, затем машина выехала на взлетно-посадочную полосу с большими белыми цифрами «26».

— Есть контакт, — сказал я, вроде как отметив, что очередной этап пути закончился успешно. Доехал, так что теперь бы в самом аэропорту не нарваться на проблемы.

Аэропорт меня вдохновил с первого взгляда. Вдоль ограды вытянулась стоянка планеров, а дальше, за взлетно-посадочной полосой и рулежкой, шли ряды ангаров и просто стоящих на открытых площадках легких самолетов. Даже реактивных почти что не было, всего несколько штук, а в основном были винтовые, одномоторные вроде «сессны». Но только «сессна» для меня тоже была великовата. И сложновата, наверное. И для того метода, каким я собирался лететь, подходила слабо.

Джип доехал до самого конца полосы, где я с удивлением понял, что совсем небольшое полутораэтажное зданье и есть основной терминал аэропорта. Я ожидал, что главное

здание дальше, такое современное и большое, но, подъехав ближе, увидел надпись, извещавшую, что то, что я принял за пассажирский терминал, было окружной тюрьмой. И лишь потом сообразил, что если на аэродроме сплошь частные легкие самолеты, то откуда вообще братья пассажирам? А для владельцев и такой халабуды хватит.

Возле здания виднелась сооруженная наспех стойка с плакатом, который извещал, что на время объявленного карантина все полеты запрещены, а нарушители будут prosecuted, или против них будет использована deadly force. То есть просто грохнут нарушителей. Ну что могу сказать, спасибо тем, кто этот карантин придумал: благодаря ему тут столько самолетов и скопилось, наверное. А так люди от наступающей заразы куда угодно разлетелись бы.

Ну а где тут главный офис, или как это все называется? Мне бы ключи от ангаров поискать и хорошо бы список того, где что стоит... А вот здесь, в главном здании он и есть, наверное, на котором написано «Боулдер, Экзекьютив терминал». Ладно, проверим. Похоже, что мне все равно тут лагерем становиться, потому что так, чтобы «нашел и сразу полетел», не получится — это все же самолет, а не велосипед. Тем более что я его пока и не нашел даже.

Джип, качнувшись на высокой подвеске, остановился у входа в терминал. Выбравшись из машины, я прихватил с собой дробовик, снял с предохранителя, потом прислушался, заодно вглядываясь в окна здания. Нет, там никакого движения, и звук только от ветра, разве что сухая трава шуршит.

Дверь оказалась не заперта. И мертвецами внутри не пахло. Офис, кафетерий, еще какие-то двери. Пошел дальше, и в этот момент прямо над головой послышался шум, заставивший меня присесть и скакнуть назад, в дверь. Оказалось, что птица: спугнул я ее, сидевшую где-то под потолком, она заметалась по залу, несколько раз несильно стукнулась в стекла, затем вылетела в открытую дверь.

— Лети, птица, — сказал я вслед.

Прошелся по всем закоулкам здания, спустился на полэтажа вниз, к выходу на летное поле, никого не нашел. Видно было, что здесь базировались военные. От них остались какие-то ящики, упаковки от пайков, всякое не нужное ни им, ни мне барахло, разве что за исключением упаковки из пяти спальных мешков, новеньких и чистых, с непривычным мне рисунком камуфляжа, словно нарисованным на старом компьютере. Такую же форму, к слову, я видел на трупах. В мое время такого камуфляжа не было, был обычный натовский «woodland» и российское невероятное разнообразие всяких рисунков.

— Разбиваем лагерь, — скомандовал я самому себе, после чего взялся таскать вещи из машины.

«Разбивка» много времени не заняла: нищему собраться... понятное дело, в общем. Обыск в офисе не дал никаких списков, но наделил меня огромной звенящей связкой ключей от множества замков. Придется обшаривать все ангары подряд. И, кстати, понадобятся еще и ключи от самих самолетов, они ведь тоже как машины заводятся, мне Настя в свое время объясняла, а вот где их искать — черт его знает. Но будем решать проблемы по мере их поступления. И вообще для начала надо повнимательнее открытые площадки посмотреть.

Все свое имущество затащил за стойку в кафетерии — если кто и войдет, сразу не увидит, искать придется. Прихватил с собой «ремингтон» и пошел к машине.

Сделав пару кругов вокруг стоянки самолетов, обнаружил на некоторых из них наклейки «продается». На многих, если быть до конца точным. Стоп, а если кто-то продает, то у него есть ключи. Где здесь скрываются самолетные торговцы? Вернулся в терминал, пробежался

по комнатам, но никаких намеков на торговлю не обнаружил — обычный офис, и все тут. Где-то среди ангаров? Или вообще в городе контора, а товар здесь стоит? Нет, так не может быть, это неудобно, люди хотят сразу видеть товар и руками щупать... хотели, в смысле, когда были живы. Надо искать здесь, причем в таком месте, куда доступ свободный. Где-то рядом, получается.

Опять выбежал к машине, огляделся — а вон там что за отдельно стоящий то ли ангар, то ли сарай, к которому сбоку старый белый пикап прижался?

Джип, стоявший с вывернутыми колесами, тронулся с усилием и пробуксовкой, напомнив про то, что полный привод здесь жестко подключаемый и на асфальте с ним плохо. На одном заднем машина побежала чуть резвее и чуть вихлястей, но это уже по фигу, я медленно еду.

Мой дедуктивный метод принес плоды: действительно, на большом сером ангаре из алюминиевых панелей имелаась большая надпись «Business Aircraft Sales Corp.», то есть «Торговля самолетами...», в общем, грамотно на русский и не переведешь. «Коммерческими самолетами», наверное, но я на этих стоянках ни одного «коммерческого» и не увидел, на мой взгляд. Может, совсем немного, но как раз они на продажу и не предлагаются.

Сама контора оказалась не в ангаре, как я сначала понял, а в небольшом одноэтажном домике рядом. Дверь туда вскрылась просто гвоздодером, запустив меня в полумрак и спертый воздух с примесью запаха какой-то плесени, который начал быстро уходить, когда через открытую дверь потянуло свежим воздухом. А так офис как офис, столы, диванчики... даже кухня маленькая есть. Еще плакаты с самолетами на всех стенах, и модели на полках. Антуражненько, так сказать.

— Со шкафов или со столов? — спросил я неизвестно кого, задумавшись на предмет «откуда начать обыск». — Со столов, — пришел почему-то к такому выводу. — По порядку.

Первый стол был заперт, пришлось опять применять гвоздодер, которому слабенькие мебельные замки сопротивляться не могли. Что-то хрустнуло, звякнуло металлически, открылись сразу все ящики тумбы. Папки, бумаги, какие-то оптические диски. Плохо, если все списки у них в компьютере: электричества ведь нет, и генераторы тоже неизвестно где. Может, и нет никаких генераторов. Ладно, продолжаем шариться.

Второй стол, а точнее — нижний его ящик, дал большую пластиковую коробку с ключами. Навалены кучей, но на каждой пластиковая бирка со вставленной бумажкой. А на бумажке... ну да, хвостовой номер. Ну, хорошо, так можно будет и без списка искать. Хоть будет это все муторно и долго, потому как понятно, что продают они самолеты не со стоянки, а оттуда, где хранят их владельцы, в большинстве случаев. А где те их хранили... это вопрос.

Чуть не час перетряхивал офис, но ничего больше не нашел. Нет, списки у них точно в электронном виде были, так что для меня, тем более с моим уровнем компьютерной грамотности, они недоступны точно так же, как если бы хранились на Луне.

Ладно, тогда будем искать путем прочесывания местности, других методов не вижу. Поехали к стоянке для начала.

На стоянке перед терминалом я нашел шесть самолетов, к которым были ключи. Из них мне не подошел ни один — все великовато и сложновато, а мне именно что «летучий мопед» нужен, что-то в таком духе. На второй стоянке, что расположилась подальше, пара самолетов с ключами меня вдохновила. Один назывался «Куиксильвер Джи-Ти 500» и для меня больше напоминал планер с толкающим винтом, хоть был при этом двухместным. Обшарив салон, я

не нашел никакого руководства, но потом вспомнил, что видел целый шкаф с ними в офисе продавца. Они эти руководства туда, наверное, специально собрали, покупателям показывать.

Вторым был самолет маленький, но с виду похожий на большой и старый, времен знакомого мне По-2, мини-реплика какая-то, наверное. Назывался он «Хорайзон 1». Он вдохновил меня меньше, как раз за счет странного вида, хотя выглядел добротным и крепким. Руководства внутри тоже не было, естественно.

Скатался на другой конец поля, к маленькому зданию с вывеской «Специальный летный тренинг», но там ничего подходящего не нашел. Зато обнаружил, что прямо к самому аэродрому прижались жилые дома. Может быть, лучше здесь базу себе организовать? Такая мысль созрела с ходу, и я с помощью кусачек ликвидировал еще одну секцию сетчатого забора, открыв себе проезд. И проехал, остановившись между двумя крайними домами.

Никаких косых крестов с цифрами и прочими атрибутами проверок на домах не было — ни на дверях, ни на стенах. Хотя по мне — так лучше кто-нибудь написал бы, найду я внутри сильно разложившихся мертвецов или нет. Придется проверять.

В первом доме мертвых не было, но зато были все признаки того, что кто-то сильно болел. Испачканная постель, явные следы рвоты на ковровом покрытии, завонявший мусор в незавязанных пластиковых мешках. В общем, из этого дома я сбежал быстро. Второй же оказался пустым и, кажется, даже не был заселен перед Эпидемией. Внутри было чисто, убрано, почти что стерильно, никаких вещей в шкафах, а перед фасадом стояла табличка «Продается». Вот так, повезло. Купить не куплю, но в аренду возьму.

Ладно, пора обратно, надо начинать ангары вскрывать, то есть самая работа начинается. А я что-то устал уже, если честно. Подозреваю, что какой-то нервный отходняк накатил, с них, отходняков, такое бывает.

За остаток светлого времени сумел открыть все ворота в двух блоках ангаров. В одном наткнулся на труп в кабине «бичкрафта» — похоже, кто-то решил умереть в своем любимом самолете. Или надеялся улететь? Ворота были прикрыты, но не заперты. В общем, не знаю, особо приглядываться не стал, закрыл эти самые ворота и дальше пошел.

Потом что-то совсем умаялся, решил отдохнуть до завтра. Заехал в здание терминала за своими вещами и покатил к обретенному вроде как дому. Машина, естественно, опять в гараж не влезла, вновь пришлось прятать с обратной стороны. Заперся, сел поужинать — даже кусок в горло не лезет. И состояние такое, что хочется сесть и вообще не шевелиться. Никогда.

С трудом составил список номеров с ключей, чтобы каждый раз, открыв бокс, не перебирать все бирки «подходит/не подходит», а так, пальцем по бумаге водить. Но к концу этого процесса у меня чуть в глазах двоиться не начало.

— Хорош фигней страдать, надо спать ложиться, — пришел я к выводу.

Идея спать в гостиной не вдохновляла: хоть она здесь и маленькая, но окон в ней некоторый избыток. Выбрал детскую — меньшую из двух спален, задвинул мебелью окно в несколько слоев, чтобы ни внутрь не заглянуть было, ни вломиться без шума, а потом и дверь завалил. И только потом улегся на коротковатую и узкую детскую кровать, забравшись в новый спальный мешок. И дробовик под руку положил.

С утра было как-то совсем паршиво, словно палками ночью били. Поднял сам себя с постели за шиворот, заставил выпить горячего кофе и сесть в джип. Сил хватило найти в связке ключи и ими открыть еще два ряда боксов. И в самом последнем во втором ряду, когда я уже решил махнуть рукой на еще один пропавший день и ехать в дом отлеживаться, удача улыбнулась. В боксе нашелся маленький самолет с забавной «головастой» кабиной, прозрачной с боков.

— «Эрпракт Эй двадцать два Эл Эс Фоксбэт»! — прочитал я вслух надпись на носу желтого самолетика. — А ничего так.

Реально самолет небольшой, такой, о каком мне и мечталось. Два кресла в кабине, сдвинутых тесно боками. Приборная панель ничуть не сложнее, чем у По-2, разве что экранчик навигационной системы добавлен. Штурвал с рогульками. Покрышки на удивление большие, прямо автомобильные, можно, наверное, на любой грунт садиться. И кататься по нему как на машине, до кучи. Прямые, недлинные, но широкие крылья, тонкая балка хвоста, довольно высокий киль. В отличие от того «квиксильвера», что видел вчера, — металлический. Да, самый настоящий люминь кругом. Все. Ключ от него у меня есть. Документы... документы надо у продавца искать, получается.

— Вот и пошли искать, — погнал я сам себя.

Какой-то тормозной и задумчивый стал, проскочил мимо офиса продавца, доехал почти до дома и лишь там вспомнил, куда мне надо. Вернулся. Минут двадцать копался в шкафу, перебирая пластиковые папки, пока не нашел ту, что нужна. Пролистал, сравнил номера, тупо глядя в список, потом выматерился и вышел к машине, с наслаждением вдохнув пронесшийся над полем прохладный ветер. Все, домой, домой, что-то я совсем расклеился.

Дома попытался поесть, но не получилось: кусок в горло не лез. Напился чаю, пошел умыться и... увидел себя в зеркало.

— Приплыли, что ли? — спросил я, разглядывая сыпь красных мелких пятен на лице. — Четыре месяца же инкубационный, куда так скоро? И где мой иммунитет?

Вот так. Сколько там смертность? Девяносто процентов? А потом еще половинка на половинку, что психом стану?

Странно. Не страшно. Просто тоскливо как-то. А может, это из-за температуры у меня такая моральная тупость? А температура есть, это точно. Поискать градусник? В доме напротив наверняка найдется. А толку? Я все равно фаренгейты в цельсии переводить не умею, что мне с него толку? Я и сейчас чувствую, что руки холодные, а голова такая, что хоть сковородку на нее ставь.

Что-то от температуры у меня есть? Вроде был тайленол какой-то, я его по рекламе помню. Принять? А толку?

Толку, толку, а помирать зачем с дополнительными неудобствами?

Порывшись в сумке, нашел полиэтиленовый пакет с прихваченными из дому лекарствами. Жаропонижающие, болеутоляющие. И все. От насморка капли еще, но насморка нет. Закинулся тайленолом, запив водой из пластиковой бутылки, затем собрал все барахло и пошел в детскую спальню, затащив, несмотря на то что сил вообще почти не осталось, туда еще и тумбу из хозяйской спальни. К двери привалю, надежней будет.

Завалившись на кровать, попытался уснуть, но вместо сна получилась какая-то ерунда,

даже не пойму, то ли снится что-то, то ли брежу, то ли просто навязчиво о чем-то думаю, а о чем — сам не пойму. На месте не лежится, барахтаюсь с боку на бок, голова словно сама по себе, отдельной жизнью живет, без тела.

Взял с прикроватной тумбочки револьвер, прикинул в руке. Ну что, рассчитывать на десять процентов или все это прямо сейчас прекратить? Похоже, что инкубационный период не для пришельцев, нас вот так, сразу разбирает, так? Хотя что там болтали по радио? Шансы есть, но... какие? А может, все же?..

Стоп.

Я здесь что, один?

Мне еще свою женщину искать.

Она заразилась?

А хоть бы и так. Искать все равно надо. А для этого и десять процентов вполне хороший шанс. Любой шанс — он уже есть, за ним надо тянуться.

Блин, как мне хреново... что-то плывет все. И башка трещит. Надо еще и «от башки» таблеток. Кашель еще... при кори есть кашель, или я какое-нибудь воспаление легких подхватил? Ну да, ну да, с красной сыпью.

Чего там еще? Больше пить? Или это при гриппе и всяком таком? А по хрен, все равно больше. Схватил бутылку с пола, выпил чуть не половину, залпом. Так, а как в уборную потом? Разбирать баррикаду у двери? А придется. По малой нужде в окно можно, но опять баррикада. Да плевать.

Отвалился на кровать, тяжело дыша. Что-то вообще силы ушли, даже вот подняться и попить — уже тяжкий труд. Не годится так совсем. И вообще дышать тяжело, получается как у рыбы на песке. И свое дыхание слышу, оно в голове эхом словно.

Мать его, как же мне хреново.

И вот так вот весь мир? Неделя такого, потом... потом у нас что на очереди? Энцефалит? Две недели дикой головной боли, жара — и смерть? Ладно, мне бы эту неделю протянуть.

Холодно, знобит, ноги такие холодные, что ими даже друг друга касаться тяжело. Согреться не могу. Рук не чувствую, словно онемели. Что-то ими делаю, но как будто кем-то другим управляю. Заставил все же выбраться себя из спальника, развязал еще два спальника, расстегнул, накинул на себя сверху как одеяла — может, согреюсь.

Спал или не спал — я сам не понял. Вроде помню сны, но могу помнить и бред. Лучше не стало, но как-то привык. Глаза слиплись так, словно клеем веки кто-то намазал. С трудом разлепил, промыл водой. Подошел к зеркалу — а они как у кролика, красные и мутные. Сыпь по всему лицу, заметней всего на скулах и лбу. Провел пальцем — странная какая-то, вроде даже не сыпь, а как сосуды полопались под кожей. Бывает так, например, если долго тяжелую сумку на ремне нести, а потом на плечо глянуть.

Попытался есть, но сумел откусить половину консервированной сосиски — и все. Вода скоро кончится, надо будет искать. А как искать? В кафетерии терминала вроде бы была, я помню бутылки. Надо будет как-нибудь доехать. Но на сегодня хватит, сегодня никуда не пойду. Не могу потому что. Мне бы до уборной сейчас добрести — и то уже подвиг будет.

Добрел, стуча зубами от озноба и завернувшись в спальник. Потом добрел обратно и просто свалился, чувствуя, что комната кружится и я не могу в ней сориентироваться. Температура, похоже, вообще зашкаливает. Принял таблеток, понимая: толку от них — что мертвому припарка. Но я пока живой вообще-то, так что пусть толк будет.

Стуча зубами, натянул на себя все три спальника, накрылся с головой, стараясь надыхать под них тепла, может, хоть так согреюсь. Немного помогло, но именно что немного. Все равно холодно, зато хоть озноб прекратился. Надо будет поесть. Как угодно, хоть самого себя застрелить угрожая, но что-то съесть. Я чувствую, как болезнь вытягивает из меня все силы, во мне нет никакого запаса энергии, мне нужно горючее.

Чуть согревшись, схватил банку с сосисками и так, холодными, начал запихивать в рот одну за другой, кое-как их жуя и глотая. Не лезет, но сожрал почти всю банку, правда, потом еще и тошнота накатила. Но прошла, и еда осталась в желудке. Хоть за это спасибо не знаю кому.

Больше пить, больше пить. И завтра привезти воды. С утра. Как угодно, хоть мертвому встать — и привезти, это совсем недалеко. И чаю бы сейчас, вот чаю бы я... но кипятить воду сил нет, не могу.

Где она? Неужели у нее все так же было? Куда мне потом, где ее искать? Хоть... нет, она живая, не может быть по-другому. И я выживу, я здоровый, я сильный, я просто не могу помереть. И иммунитет опять же.

Ага, иммунитет. Вон он как меня сейчас одолел, кругом сплошной иммунитет. И в голове звон, круги в глазах.

Опять то ли сон, то ли бред, то ли не сон, а вовсе явь, просто бредовая... То трясет, то вроде чуть отпускает, рукой прикасаюсь к лицу, а ощущение, что вроде как к маске, почти ничего не чувствую. И еще кажется, что выдох губы обжигает, настолько он горячий.

К вечеру, когда начало темнеть, стало еще хуже, мир вообще перестал делиться на бред и реальность. Ночью думал, что все, уже и энцефалита дожидаться не придется, прямо сейчас и отойду. Но вместо того чтобы помереть, провалился в глухой и черный, без всяких видений сон. Похоже, просто все силы у организма иссякли — вот он, как компьютер, в «стенд бай» и перешел сам по себе. Что, как мне кажется, меня в тот вечер и спасло. А может, и преувеличиваю, но очень было плохо.

С утра стало не то чтобы лучше, но все же как-то отдохнул. Голова кружилась, трясло, воздух в комнате был такой, что хоть топор вешай, но встал, заставил себя выбраться из-под

одеял, даже приоткрыл окно, дотянувшись до задвижки через баррикаду из мебели. Не подуло, а буквально ударило волной свежего воздуха, даже голова сильнее закружилась.

— Надо за водой, — просипел я, глотнув из пластиковой бутылки. — Пропаду так.

Прежде чем начать одеваться, долго обтирался влажными детскими салфетками, ванну принять в брошенном доме с отключенным электричеством никак бы не получилось. Потом пытался есть — без особого успеха, но хоть как-то. Оставив две трети банки консервированных сосисок на потом, запил остатками воды. Оделся, встал и покачнулся, не упал лишь потому, что успел схватиться за стенку. Слабость-то какая... нехорошо. Револьвер, сунутый в кобуру, весил по меньшей мере пуд по ощущениям. А «рем», который я прихватил с собой после минуты раздумья, тянул на все три.

В куртке стало душно, но стоило ее распахнуть, как на улице сразу зазнобило под резким прохладным ветром. Дошел до джипа, встал, ухватившись за рукоятку двери, отдышался — даже такая короткая прогулка силы вытянула, опять лоб в испарине и перед глазами круги. Черт, какая хоть сейчас у меня температура, узнать бы. По ощущениям я как дракон огнедышащий, пропади он пропадом.

Закинул винтовку на заднее сиденье, уселся за руль, стало чуть легче: сидя — оно не стоя. Джип послушно завелся, рыкнул двигателем и покатил вперед. Вот ряд планеров вдоль полосы, вон контора торговцев, а вот и главный терминал — действительно рукой подать. Тут и километра нет на самом деле. Подъехал к главному крыльцу, выбрался из машины, вытащив и закинув винтовку за спину и взяв пару больших сумок — бутылки грузить. Остаться с одним револьвером почему-то страшно, пустота вокруг давит на нервы не хуже Тьмы.

В терминал без меня никто не заходил, похоже. Нетвердым шагом дошел до кафетерия, бросил одну из сумок на стойку, начал грузить в нее бутылки «Натуральной ключевой воды Эльдорадо» — никогда таких не встречал. Да и откуда? До нас марки все больше местные или европейские доходили, вроде «Эвиана». Воды в кафетерии было много — и на полках, и под полками, и в подсобке, смерть от жажды мне точно не грозила. Заполнив одну сумку, взялся за вторую, затем попытался поднять — и чуть сознания не лишился.

— Не, так не пойдет, — прокомментировал я свою неудавшуюся попытку.

Пол в терминале гладкий, попробую волоком. Отстегнув лямку с одной из сумок, сделал что-то вроде поводка, накинув его на ручки. Потянул — сдвинулось. Нормально, хоть до крыльца дотащу, а там... а там видно будет, может, вообще по одной перегружу в машину.

Обходя стойку, дошел до окна, точнее, даже стеклянной стены, и остановился, заметив какое-то движение на противоположной стороне аэродрома. Вернее — почувствовав его. Это что? Там у самого забора какие-то длинные белые ящики лежат, подозреваю даже, что в них планеры в разобранном виде, и вот за ними что-то...

Две крупных твари, как две капли воды похожие на убитую мной «собаку», выскочили из укрытия на взлетную полосу, остановились синхронно, словно бы нюхая воздух. За мной? Ох как не вовремя.

Сдернув с плеча винтовку, присел за стойкой, попутно подумав о том, что отдача «рема» меня, наверное, с ног сшибет сейчас, настолько я дохлый. Хоть бы это не за мной, хоть бы это не за мной...

Одна их тварей просто уселась на асфальт, не обращая внимания на то, что ветер как раз на полосе был самым резким и холодным, вторая отбежала чуть в сторону, вновь остановилась, на этот раз повернувшись ко мне задом. Нет, это не по мою душу. Можно бы

тащить сумки дальше, но когда начну грузить их в машину, не смогу наблюдать за монстрами: здание терминала все закроет. И тогда они смогут подойти совсем близко, так, что я просто не успею ничего сделать. Повадки ведь у них, как у «гончих» Тьмы, пожалуй: и сразу не убьешь, живучие, и двигаются быстро, — так что я уже опытный.

Встав на четвереньки, доволок свой груз до дверей, замер, оглядываясь и прислушиваясь. Вроде даже малость себя в руки взял, не такой размазней ощущаю, как, скажем, минут пять назад. Все так же на карачках дополз до места, откуда можно было выглянуть в окно, — твари все там же, похоже, никуда не собираются. Рискнуть смыться или?.. Нет, слышат возню. Наверняка. Это здесь меня стены с окнами прикрывают, а там не получится. Надо... надо решать проблему, короче.

А как решать будем? Если аккуратно выбрать позицию, аккуратно прицелиться... а хрен там, «прицелиться», у меня круги перед глазами плывут. Не попаду, точно не попаду. Нет, надо сидеть тихо и ждать. Если сунутся сюда, то встречу, а если не сунутся, то как бы и не очень надо.

Минут, наверное, двадцать я наблюдал за «собаками», прячась за буфетной стойкой. Время от времени твари двигались, но места не покидали, так и крутились зачем-то посреди полосы. Потом вдруг насторожились так, словно им кто-то свистнул, а затем сорвались с места и мощными длинными прыжками помчались куда-то в сторону озера, в которое упиралась полоса, и исчезли в кустах.

Все, что ли? Можно двигаться или лучше подождать? Подожду. Десять минут. По часам засеку. А потом мне надо домой и лечь, что-то мне опять совсем хреново становится. Как бы мне здесь не сломаться.

Твари не появились, хотя прождал я не десять, а все же двадцать минут. Не забываясь о целостности сумок, стащил их волоком по ступенькам, закинул в багажник по одной, чуть не потеряв сознания от накатившей слабости, затем все же вскарабкался за руль и дал по газам.

В доме меня совсем растащило, сил хватило только войти и рухнуть на диван в гостиной, пытаюсь отдышаться, кашляя и вытирая постоянно выступающую на лбу холодную испарину. Все, весь запас сил на этот рывок израсходовал. Долго сидел, откинувшись, набираясь сил для последнего рывка, затем все же выгрузил воду и запер дверь, придвинув к ней диван. Вид резвящихся неподалеку монстров совсем испортил настроение. Добравшись до спальни, выпил из горлышка почти целую полуторалитровую бутылку и свалился в кровать без сил, натянув все спальные, чтобы спастись от неумолимо накатывающего озноба. Но молодец, справился.

Когда проснулся, было уже темно. Постель промокла насквозь, равно как и льняное белье, что я натянул на себя. Вновь пришлось браться за салфетки, устраивая себе помывку таким способом. Заодно похвалил себя за предусмотрительность — свежая смена белья у меня еще была.

Вроде лучше немного? Черт его знает, когда проснешься — действительно немножко легче бывает. Но недолго. Потрогал лоб — сухой и горячий. Или кажется? А чему тут казаться, я и по самочувствию все могу понять. До ветру надо. Подперло.

Взял с тумбочки рулон мусорных мешков и упаковку влажных салфеток. Водопровод ведь тоже не работает, так что приходится с унитазом проявлять изобретательность. Посидел, собираясь с силами, потом встал все же, постоял на месте, ожидая того, что закружится голова, но не закружилась. Со спинки кровати снял ремень с револьвером и патронташем, накиннул на себя на манер портупей или бандольеро, через плечо.

Вот что действительно тяжело — так это каждый раз отодвигать баррикаду от двери. Но без нее никак, это моя единственная защита, пока я здесь почти без сознания валяюсь. Может, она монстра какого-то и не остановит даже, но время на то, чтобы ее преодолеть, потребуется. И шум будет, а у меня весь арсенал под рукой.

Освободив дверь ровно настолько, насколько надо, чтобы протиснуться, вышел в короткий коридорчик. Был бы дом приличней, была бы ванная «ин сюит», но здесь все простенько, так что надо вот так выбираться и идти. По стеночке добрался. Забросил толстый мусорный пакет в унитаз, растянув края, заодно подумал о том, что надо будет выбросить еще один пакет, с такими вот пакетами внутри, лежащий в уголке. Так, вроде герметично, но вдруг...

Стекло со звоном посыпалось тогда, когда я, свои дела закончив, почти что вышел в коридор. Я дернулся назад, сильно ударившись затылком о косяк двери и прикусив язык, выдернул из кобуры «смит-вессон», сжав деревянную рукоятку двумя руками и взведя курок. И выключил фонарик, которым до этого себе подсвечивал.

Опять звон, словно кто-то очищает раму от торчащих осколков, потом громкий треск — похоже, эту раму просто выломали. Сопение и вроде как негромкое рычание, что-то влезло через окно в гостиную. Крупное такое, тяжелое.

Запах... запах тот самый, что я тогда почувствовал: «как змеями». Какая-то тварь, не животное и не человек. Я ее просто нутром ощущаю... а ведь точно чувствую, как... да как радаром внутренним. Я на нее могу сейчас сквозь стенку показать и даже... и даже могу сказать, как далеко она от меня. Не до сантиметра, естественно, но вот «близко» или «совсем близко» — это я чувствую. Как так?

Да не суть как, важно, что это так. Оно стоит, принохивается. У самого окна сейчас, если прикинуть направление. И чего жду?

Босиком по мягкому ковровому покрытию совсем неслышно получается, но тварь что-то услышала, насторожилась. Перехватив револьвер в правую руку, в левую я взял фонарик и, включая его, одновременно высунулся из-за угла, направив оружие и луч света на окно.

Темная сутулая и неуклюжая фигура с длинными, как у обезьяны, ручищами замерла у окна, дернувшись и закрыв глаза — свет этого фонарика был на удивление ярким. Отблески луча пробежали по черной чешуе, отразились от мокрых длинных желтых зубов. Грохнул выстрел, подкинув ствол и дернув руку, пуля ударила монстра куда-то в верхнюю часть груди, туда, куда человеку бы сразу хватило, но «демон» только дернулся и рыкнул хрипло, отступив на шаг назад.

Уложив запястье правой руки на руку с фонарем, я еще дважды плавно, но быстро потянул спуск. Револьвер отзывался гулко, как пушка, выбрасывая снопы огня и почти совсем меня оглушив. На втором выстреле тварь завалилась назад, на подоконник, третьим я просто промахнулся. Но успел добежать до спальни и, выстрелив еще раз, угодив куда-то в брюхо, начал протискиваться в комнату.

Монстр был, похоже, озадачен или что-то в этом духе, сразу на меня он не кинулся, но в то время как я протискивался, откуда-то из глубины подсознания возникла мысль о том, что еще одна тварь могла сидеть прямо в спальне, а я даже не заглянул туда. Мысль вызвала дикий приступ паники, в результате которого я вновь ударился головой, ободрал бок, но все же вломился в комнату, захлопнув за собой дверь и нервно оглядевшись. Но никаких тварей здесь не оказалось.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Looter — мародер (*англ.*).

RRS, Relapsing Rabies Syndrome — синдром возвратного бешенства.